НАУКА РУССКОГО МИРА

научный журнал

- Языкознание (филология)
- Всеобщая история, отечественная история
- Теория литературы и текстология
- Культурология и история мировой культуры

№7-2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: восемь раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела факультета, бизнес-технологий РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук , профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова МГУ (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в

Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

Шкунов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель школы Российской Федерации, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatyana Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Faculty of Business Technologies, ROSNOU, member of the Union of Translators of Russia

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Zyablova Olga Alexandrovna Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna
Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Alexander Dmitrievich Pokhilko
Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

Shkunov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the School of the Russian Federation, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Leading researcher at the Volga branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА

Чжан Гуаньпэн
ИСТОРИЯ, ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА **11**

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Костоева Айшат Магометовна, Матиев Магометбашир Адамович, Янарсанова Далия Мусаевна
ПРИНЦИПЫ ИДЕАЛИЗАЦИИ ГЕРОЯ В СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРЕДАНИЯХ ИНГУШЕЙ **18**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИК

Аракелян Нина Сергеевна, Зайцева Анна Эдуардовна
ПОЛИФОНИЯ КАК ВАЖНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПРИ СОЗДАНИИ МНОГОСЛОЙНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА **26**

Бредихина Ольга Михайловна
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ КРИПТОВАЛЮТ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК **34**

Лихачева Ольга Николаевна, Тымчук Елена Викторовна, Дерновой Даниил Дмитриевич
ЗНАЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОГРАММИСТА **40**

Таукова Индира Айдиновна
ГИПЕРТЕКСТОВАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА **45**

Усмонова Мухайё Носировна
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНЯТИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЛИНГВИСТИКЕ **52**

Чжан Гуаньпэн
ЭВФЕМИЗМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: КУЛЬТУРНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ **60**

*****

CONTENT

CULTURE

Zhang Guanpeng
HISTORY, SIGNIFICANCE AND PROSPECTS OF CHINESE-RUSSIAN CULTURAL EXCHANGE **11**

FOLKLORE STUDIES

Kostoeva Aishat Magometovna, Matiev Magometbashir Adamovich, Yanarsanova Dalia Musaevna
THE PRINCIPLES OF IDEALIZATION OF THE HERO IN THE SOCIAL TRADITIONS OF THE INGUSH **18**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Arakelyan Nina Sergeevna, Zaitseva Anna Eduardovna
POLYPHONY AS AN IMPORTANT LINGUISTIC COMPETENCE IN CREATING A MULTI-LAYERED COMMUNICATIVE SPACE **26**

Bredikhina Olga Mikhailovna
FEATURES OF THE TRANSLATION OF NAMES OF CRYPTOCURRENCIES FROM ENGLISH TO RUSSIAN **34**

Likhacheva Olga Nikolaevna, Tymchuk Elena Viktorovna, Dernovoy Daniil Dmitrievich
THE IMPORTANCE OF ENGLISH IN THE PROFESSION OF A MODERN PROGRAMMER **40**

Taukova Indira Aydinovna
HYPERTEXT HETEROGENEITY OF WRITTEN SCIENTIFIC DISCOURSE **45**

Usmonova Mukhaye Nosirovna
ON SOME FEATURES OF THE CONCEPT OF SPEECH ETIQUETTE IN LINGUISTICS **52**

Zhang Guanpeng
EUPHEMISMS IN RUSSIAN AND CHINESE: CULTURAL AND PRAGMATIC FEATURES OF USAGE **60**

КУЛЬТУРА

УДК 5.10.1

ИСТОРИЯ, ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА

Чжан Гуаньпэн
Педагог,
Компания Gaotu,
г. Пекин, Китайская Народная Республика
E-mail: 395391468@qq.com

Научный руководитель Ли Линлин,
старший преподаватель Хэйхэского университета

Статья посвящена исследованию исторического развития, современного значения и перспектив китайско-российского культурного обмена. Автор рассматривает ключевые этапы межкультурного взаимодействия двух государств, начиная с древнейших времен (эпохи Великого шелкового пути) и заканчивая современными образовательными и культурными инициативами. Особое внимание уделяется прагматическому значению обмена в условиях глобализации и его вкладу в укрепление двусторонних отношений, сохранение культурного наследия и формирование межцивилизационного диалога. Автор подчеркивает важность проектов, реализуемых Российским государством и Китаем в сфере международного сотрудничества по линии молодежной политики, образовательных программ и совместных экологических проектов, информатизации и туризма, как основы дальнейшего прогресса в области двусторонних отношений.

Ключевые слова: культурный обмен; Китай; Россия; диалог цивилизаций; глобализация; культурное наследие; молодежные инициативы; образование.

HISTORY, SIGNIFICANCE, AND PROSPECTS OF SINO-RUSSIAN CULTURAL EXCHANGE

Zhang Guanpeng
Teacher,
Gaotu Company,
Beijing, China,
E-mail: 395391468@qq.com

Scientific supervisor Lee Linlin
Senior Director of Heihe University

The article explores the historical development, contemporary significance, and prospects of Sino-Russian cultural exchange. It examines key stages of interaction, from the Silk Road to modern educational and cultural initiatives. Special attention is paid to the pragmatic importance of this exchange in the context of globalization and its contribution to strengthening bilateral relations, preserving cultural heritage, and fostering intercivilizational dialogue. The author emphasizes the importance of youth initiatives,

educational programs, and joint projects in ecology, digitalization, and tourism as foundations for further development of cooperation.

Keywords: cultural exchange; China; Russia; civilizational dialogue; globalization; cultural heritage; youth initiatives; education.

*****

Китайская цивилизация, как одна из древнейших и наиболее стабильных в своем развитии, на протяжении тысячелетий демонстрировала расположенность к взаимополезному обмену культурными ценностями с другими народами. Этот процесс, который можно назвать потенциальной готовностью к цивилизационному диалогу (полилогу), представляет собой важную составляющую всемирного культурного наследия. Россия, соседствующая с Китаем, занимает для Поднебесной особое место в культурном взаимодействии благодаря как своей географической близости, так и многовековым историческим связям [3, с. 12]. Контакты между двумя странами охватывают широкий спектр сфер – общественную жизнь, культуру, экономику и политику, а также торговлю, науку, образование и искусство, что делает китайско-российский обмен уникальным примером межцивилизационного общения.

В основе китайско-российского взаимодействия лежит принцип взаимного уважения и постоянного поиска точек соприкосновения. Эти приоритеты особенно актуальны в эпоху глобализации, когда государства сталкиваются с вызовами своей культурной идентичности и стремятся сохранить своеобразие своего цивилизационного кода [6, с. 62]. Исторический опыт межкультурного обмена между Китаем и Россией, начиная с эпохи Великого шелкового пути и заканчивая современными образовательными и культурными инициативами, подчеркивает значимость этого сотрудничества для построения устойчивого мира.

Настоящая статья посвящена исследованию исторического развития китайско-российского цивилизационного обмена, оценке его современного значения и направлений совершенствования. В работе анализируются ключевые этапы взаимодействия, обсуждаются механизмы формирования взаимопонимания и даются рекомендации по дальнейшему укреплению межкультурного взаимодействия. Особое внимание автор уделяет роли обмена духовным, культурно-историческим богатством двух обществ, способствующих сохранению всемирного культурного наследия и развитию концепции «единства на основе многообразия» в рамках межгосударственного диалога.

Историческое развитие, современное значение и перспективы китайско-российского цивилизационного обмена

1. Историческое развитие китайско-российского цивилизационного обмена.

Китайско-российский культурный обмен имеет давнюю историю, уходящую корнями на несколько тысячелетий в прошлое. Взаимодействие между Россией и Китаем преодолело ряд значимых этапов, каждый из которых внес свой вклад в формирование уникального характера двусторонних связей. Основой этого обмена всегда служила взаимная заинтересованность в экономическом, научном и культурном сотрудничестве, а также интерес к культурно-историческому своеобразию, духовному опыту и традициям друг друга.

Один из первых значимых этапов культурного взаимодействия относится к периоду активного использования Великого шелкового пути – логистического контура, связавшего Азию и Европу в прошлом, который обрел свою законченную форму ещё в эпоху династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Этот древний торговый маршрут соединял Китай с Центральной Азией, Ближним Востоком и Европой, включая территории, ныне входящие в состав России. Китайские товары, такие как шелк, фарфор, бумага и порох, перемещались по данному торговому пути, проникая на северо-запад Евразии. В свою очередь в обратном направлении в Китай поступали

товары и изделия из степных районов Евразии, включая те, в пределах которых сформировалось Российское государство [5, с. 33].

Шелковый путь был не только экономическим, но и культурным мостом. С его помощью распространялись как материальные ценности, так и философские воззрения, такие как буддизм, который проник в Китай из Индии через Центральную Азию. Влияние этих ранних контактов до сих пор заметно в культурных традициях, сохранившихся в регионах, прилегающих к древним маршрутам Шелкового пути.

Начиная с XVII века, отношения между Китаем и Россией стали укрепляться благодаря развитию торговли через Великий чайный путь. Этот маршрут соединял Монголию, Сибирь и центральные районы России с северными регионами Китая. Торговля китайскими чаем, керамикой и текстилем, а также российскими товарами – пушниной, серебром и древесиной – создала прочную основу для взаимовыгодного экономического обмена.

Чай, со временем ставший неотъемлемой частью русской культуры, в значительной мере способствовал восприятию китайских традиций и обычаев. Например, использование самовара, который считается символом русской гостеприимности, связано с влиянием китайской чайной церемонии. Помимо этого, посредством торговли распространялись сведения о китайской философии, искусстве и ремеслах, что значительно обогатило культурное наследие России.

В XIX веке, на фоне усиления интереса к глобальному Востоку в России, контакты с Китаем приобрели новый характер. Российские миссионеры, ученые и путешественники, такие как Николай Яковлевич Бичурин, внесли значительный вклад в изучение китайской культуры и истории. Бичурин, живший в Пекине на протяжении 14 лет, не только изучал китайский язык и традиции, но и перевел на русский язык множество китайских классических произведений, включая конфуцианские тексты. Его работы способствовали развитию синологии в России и распространению знаний о Китае среди просвещенной российской общественности.

К этому периоду относится и расширение образовательных инициатив. В это время в российских университетах начинают изучать китайский язык, что закладывает основу для более глубокого взаимодействия между странами в области науки и образования. Одновременно в Китае усиливается интерес к русской культуре, что выражается в переводах русской классической литературы на китайский язык и формировании основ учебно-методической базы для изучения русского языка в Китае.

В XX веке китайско-российское взаимодействие значительно усилилось благодаря политическим и социальным преобразованиям. После Октябрьской революции 1917 года в России и провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году страны начали активное сотрудничество уже на новой – идеологической – основе. Распространение марксистско-ленинской философии сопровождалось активным переводом советской литературы на китайский язык и усилением в связи с этим образовательного обмена.

Советские инженеры, врачи и преподаватели, работавшие в Китае, способствовали внедрению современных технологий и методов обучения. В это же время китайские студенты приезжали в СССР для изучения инженерных, медицинских и гуманитарных дисциплин. Этот период также характеризовался распространением классической русской литературы в Китае, включая произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова.

Таким образом, историческое развитие китайско-российского культурного обмена преодолело множество стадий, начиная с ранних торговых связей в контексте существования Шелкового пути и заканчивая интенсивным социально-экономическим и культурным сотрудничеством в XX веке. Эти этапы стали основой для формирования уникальной модели взаимодействия двух великих цивилизаций, которая сочетает элементы экономического, научного и культурного обмена. Исторический опыт взаимодействия служит важным ориентиром для укрепления современных связей между Китаем и Россией.

2. Современное значение китайско-российского культурного обмена.

В условиях глобализации и растущей экономической взаимозависимости государств китайско-российский культурный диалог приобретает выраженное стратегическое значение. Культурное взаимодействие двух стран имеет существенное значение для укрепления политических и экономических связей, а также способствует развитию контактов между российским и китайским обществами (в том числе на межличностном уровне). Сегодня сотрудничество осуществляется в рамках таких крупных инициатив, как «Один пояс – один путь» и Программа российско-китайского культурного сотрудничества. Эти проекты не только укрепляют взаимопонимание и доверие между народами Китая и России, но и создают платформу для долгосрочного партнерства в различных сферах.

Одним из наиболее значимых направлений современного взаимодействия является образование. Конфуцианские институты, функционирующие в России, предоставляют россиянам уникальную возможность изучать китайский язык и культуру. Эти учреждения не только способствуют популяризации китайского языка, но и становятся центрами культурного обмена, на базе которых проводятся лекции, семинары и различные культурные мероприятия. Такие институты играют важную роль в формировании интереса к Китаю у российской молодежи, способствуют укреплению культурных связей между двумя странами.

С другой стороны, российские университеты принимают тысячи китайских студентов, что способствует их интеграции в международное образовательное сообщество. Китайские студенты обучаются не только техническим и гуманитарным наукам, но и активно участвуют в научных исследованиях и культурной жизни российских вузов. Например, программы академической мобильности и совместные научные проекты открывают широкие возможности для взаимодействия преподавателей и студентов из двух стран. Режим взаимного признания дипломов и развитие сетевых образовательных программ также создают прочную основу для расширения сотрудничества в сфере образования.

Культурный обмен между Россией и Китаем ширится и в области искусства. Совместные экспозиции, гастроли театральных и музыкальных коллективов, фестивальные кинопоказы и пр. способствуют взаимной популяризации культурных традиций. Например, китайская каллиграфия и роспись по шелку регулярно экспонируются в российских музеях, а русская живопись и скульптура вызывают, в свою очередь, интерес у китайской аудитории. Такие выставки выступают площадками для диалога между деятелями искусства, ценителями эстетики и поклонниками креативного начала; укрепляют связи между профессиональными творческими сообществами.

Русское классическое искусство, включая произведения П.И. Чайковского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, хорошо известно в Китае, а китайская литература и кинематограф, в частности произведения Мо Яня, кинофильмы Чжан Имоу, обретают всё больше поклонников в России. Это свидетельствует о взаимной заинтересованности двух народов в изучении мировоззрений и культурных традиций друг друга.

Особое значение в рамках современного китайско-российского взаимодействия сегодня приобретают контакты в области науки и медицины. Китайская традиционная медицина, включая практики акупунктуры и фитотерапии, становится всё более популярной в России. В свою очередь российские медики делятся опытом в области онкологии, кардиологии, а также в других высокотехнологичных медицинских направлениях. Совместные научные исследования, симпозиумы и обмен технологиями позволяют интегрировать лучшие достижения двух стран в области здравоохранения, придавая, таким образом, синергетический эффект взаимодействию. Например, недавно проведенные совместные исследования, касавшиеся практики использования традиционной медицины показали впечатляющие перспективы её интеграции с современными методами лечения. Такие научные разработки способствуют не только прогрессу в области медицины, но и культурному сближению, так как традиционная медицина является важной частью китайского мировосприятия.

Ещё одним аспектом взаимодействия выступает туризм. Китайцы активно посещают такие города России, как Москва, Санкт-Петербург, Казань, где они знакомятся с богатым культурным наследием соседней страны. В то же время россияне проявляют интерес к историческим и природным достопримечательностям Китая, включая Великий китайский мур, Ханчжоу и Шанхай. Туристические поездки способствуют не только популяризации культуры, но и расширению личных контактов, которые играют важную роль в формировании положительного образа каждого из народов в общественном сознании двух стран.

Таким образом, китайско-российское культурное взаимодействие в настоящее время охватывает широкий спектр направлений, включая образование, искусство, науку, медицину и туризм. Эти области сотрудничества укрепляют не только государственные связи, но и контакты между народами, способствуя созданию надежной платформы для диалога цивилизаций [1, с. 69]. При этом межкультурный обмен становится ключевым элементом стратегического партнерства двух стран в условиях всемирного глобализационного процесса, формируя основу для долгосрочного и гармоничного взаимодействия двух народов на основе взаимного уважения и обоюдной пользы.

Перспективы китайско-российского культурного обмена

1. Новые направления сотрудничества: экология и цифровые технологии.

Одним из перспективных направлений культурного обмена является развитие экологического туризма. Природные богатства приграничных районов Китая и России, такие как озеро Байкал, Уссурийская тайга, горы Алтая и национальные парки на территории северного Китая, создают уникальные возможности для совместных экологических инициатив. Организация совместных туров, экологических фестивалей и научных исследований в области охраны природы может не только способствовать сохранению природного наследия, но и стать мощным инструментом культурного сближения.

Продолжающаяся цифровизация всех сторон жизни российского и китайского обществ также открывает новые горизонты для культурного взаимодействия. Совместное развитие виртуальных музеев, онлайн-экспозиций и образовательных платформ позволяет представить наследие двух стран не только в российско-китайском межгосударственном пространстве, но и презентовать его на международной арене. Например, создание двуязычных цифровых архивов, включающих произведения литературы, искусства и разнообразные документальные материалы, может стать важным шагом в деле популяризации китайской и российской культурных традиций на глобальном уровне.

2. Сохранение и популяризация культурного наследия.

Совместные усилия в области защиты культурного наследия также можно рассматривать как актуальное направление сотрудничества. Китай и Россия обладают выдающимися памятниками архитектуры, уникальными школами декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, беспрецедентным музыкальным и театрально-драматическим наследием. Однако многие из этих объектов и практик сегодня находятся под угрозой в связи с довлеющими тенденциями глобализации и урбанизации.

Совместные инициативы по реставрации исторических памятников (китайских пагод и русских православных храмов) могут не только сохранить культурное наследие, но и стать символом деятельного сотрудничества в вопросах сбережения духовного достояния двух народов. Кроме того, организация совместных мастер-классов и фестивалей ремесел, таких как китайская резьба по дереву или русская традиционная вышивка, способны привлечь представителей молодого поколения китайского и российского обществ к делу сохранения и развития культурно-исторических традиций своего народа.

3. Участие молодежи в культурном обмене.

Молодежь играет ключевую роль в укреплении культурных связей между странами. Создание программ студенческого обмена, поддержка международных

молодежных инициатив, стимулирование языковой подготовки могут стать основой для долговременного сотрудничества. Например, содействие культурно-образовательному обмену делегациями школьников и учащихся вузов, включающих погружение в особенности быта и жизни соседнего государства; совместные исследования и научные проекты, способствуют не только интенсификации учебного процесса, но и формированию интереса к культуре и жизненному укладу другой страны.

Организация молодежных культурных мероприятий, таких как совместные театральные постановки, музыкальные концерты и художественные выставки, позволяет сформировать новое измерение социальных контактов. А проведение конкурсов и викторин, направленных на изучение языка и культурных особенностей двух народов (к примеру, олимпиад по китайскому и русскому языкам), может мотивировать молодежь к углубленному изучению мировоззрения соседнего государства, сопряженному с уважением к его истории и традициям.

4. Расширение культурного туризма.

Туризм остается одним из важнейших компонентов межкультурного обмена. В будущем Китай и Россия, несомненно, могут расширить сотрудничество в этой области, развивая совместные туристические маршруты (как, например, культурные туры по историческим местам, связанным с российско-китайским взаимодействием) и формируя целые туристические кластеры, посвященные определенным формам организованного отдыха (экопоселения, спортивно-оздоровительные пансионаты, национальные историко-архитектурные центры-реконструкции). Например, разработка маршрутов, включающих посещение знаменитых достопримечательностей – Забайкальского края и Великого китайского мура, – вполне может стать основой для активизации двустороннего туризма.

Особое внимание следует уделять также разработке специализированных туров, ориентированных на учащуюся молодежь и подростков, которые будут включать в себя образовательные элементы (открытые уроки, выездные занятия и мастер-классы). Эти дидактические формы не только расширят культурный кругозор участников, но и позволят сформировать дружелюбную межличностную атмосферу, способствующую упрочению социальных связей между двумя народами.

Перспективы китайско-российского культурного обмена обещают стать ещё более благоприятными в условиях кризиса глобализационных процессов и политики мультикультурализма. Углубление сотрудничества между Россией и Китаем в области экологии, информационных технологий, сохранения культурного наследия, а также активное привлечение молодежи создает основу для устойчивого и плодотворного взаимодействия двух цивилизаций. Эти усилия не только укрепляют отношения между государствами, но, как мы указывали выше, вносят вклад и в сохранение мирового культурного многообразия, что особенно важно в настоящее время.

Китайско-российский культурный обмен, основанный на многовековой истории взаимодействия, представляет собой уникальный пример диалога двух цивилизаций. Этот обмен охватывает целый ряд сфер, включая экономику, науку, искусство и образование, и играет важную роль как в укреплении двусторонних отношений, так и в сохранении культурного многообразия в мире, испытывающем давление со стороны процессов глобализации [3, с. 32].

Исторический опыт взаимодействия двух стран – России и Китая – показывает, что на протяжении веков оба государства придерживались политики продуктивного социально-экономического взаимодействия, начиная с торговых отношений, существовавших в эпоху Великого шелкового пути, и заканчивая современными образовательными и научными проектами. Этот опыт свидетельствует о том, что культура, несмотря на географические и языковые барьеры, может стать мощным инструментом в деле социокультурного сближения народов [4, с. 123].

В условиях глобализации российско-китайский межкультурный обмен приобретает стратегическое значение. Совместные инициативы в области образования, искусства, медицины и туризма не только укрепляют государственные

связи, но и способствуют развитию контактов между обществами, что особенно важно с точки зрения формирования взаимного уважения и доверия. Программы студенческого обмена, международные фестивали и совместные научные проекты формируют разнообразные платформы для сотрудничества и дополнительно обогащают культуры обеих стран.

Особую роль в плане совершенствования направлений и формата культурного обмена призвана сыграть молодежь. Инвестиции в продвижение программ молодежного обмена, стимулирование обучения языкам и организация совместных культурных мероприятий способны, на наш взгляд, заложить прочный фундамент для долгосрочного социально-экономического партнерства между Россией и Китаем. При этом важным направлением остается также сохранение и популяризация культурного наследия, включая совместные проекты по реставрации памятников истории и архитектуры, а также поддержке традиционных ремесел и промыслов.

Таким образом, в нынешних непростых условиях китайско-российский культурный диалог продолжает демонстрировать свою актуальность, значимость и жизнеспособность. Взаимный обмен идеями, знаниями, традициями и технологиями способствует не только укреплению связей между двумя странами, но и созданию более гармоничного мирового сообщества, в котором культура выступает основой для межцивилизационного понимания и сотрудничества. Считаем, что в будущем такой формат межгосударственного диалога может стать примером для других стран, стремящихся к построению устойчивых и бесконфликтных международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смоляков, Д. А. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Образование и наука. – 2018. – №20(7). – С. 69.

2. Кованова, М. С. Взамодействие России и Китая в образовательной сфере // Молодой ученый. – 2021. – №1(343). – С. 123.

3. Касумзаде, Ф. А. Культура и политика в система международных отношений // Вектор наука ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2013. – №4(15). – С. 32.

4. Ма Фэншу. Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2012. – №2. – С. 12.

5. 王勒懿, 张锡美. 中俄文明交流互鉴的历史演进及意义 // 黑龙江省社会主义学院学报. – 2020. – №3. – С. 33.

6. 赵鸣文. 中俄关系进入新的历史发展时期 // 俄罗斯中亚东欧研究. – 2010. – №1. – С. 62.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82

ПРИНЦИПЫ ИДЕАЛИЗАЦИИ ГЕРОЯ В СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРЕДАНИЯХ ИНГУШЕЙ

Костоева Айшат Магометовна
Научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии,
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас, Россия
E-mail: a-kostoeva1@mail.ru
SPIN-код: 6244-1561

Матиев Магометбашир Адамович
Кандидат филологических наук,
профессор кафедры ингушской литературы и фольклора,
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия
SPIN-код: 5208-1469

Янарсанова Далия Мусаевна
Научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии,
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас, Россия
SPIN-код: 5244-4376

В устном народном творчестве ингушей содержится богатый исторический материал, иллюстрирующий быт и нравы ингушского народа на различных этапах культурно-исторического развития. В данной статье рассматриваются социально-бытовые предания ингушей как одна из разновидностей исторических преданий. Изучение как исторических, так и социально-бытовых преданий позволяет сформировать более полное и многогранное представление об истории и культуре общества, выявить его ценностные ориентиры и специфику мировосприятия. Устные предания – не просто набор отвлеченных сюжетов, описывающих своеобразие жизненного уклада конкретного этноса, это погружение в его духовный мир, традиции и обычаи, экскурс в прошлое народа, обращение к памяти поколений и культурному наследию. В ингушских преданиях заметна тенденция к типизации художественных образов. Причем конструирование идеализированного образа происходит путем сопоставления героев преданий с различными оппонирующими им мифологическими персонажами. Герои наделяются сверхъестественными способностями, невероятной физической силой и незаурядным интеллектом. В связи с этим авторами данного исследования выбрана траектория научного анализа, рассматривающая систему принципов, ориентированную на идеализацию героев, которые воплощают в своем образе представления о добре и зле, честности и трудолюбии, а также других субстанциональных нравственных категориях; кроме того, в работе анализируются мотивы, используемые в устном народном творчестве в целях создания символического образа народного героя.

Ключевые слова: фольклор; социально-бытовые предания; быт; нравы; народный герой; идеализация; преувеличение; образ; мотив.

THE PRINCIPLES OF IDEALIZATION OF THE HERO IN THE SOCIAL TRADITIONS OF THE INGUSH

Kostoeva Aishat Magomedovna*
Researcher at the Department of Ingush Folklore and Ethnography,
Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch. E. Akhriev,
Magas, Russia
E-mail: a-kostoeva1@mail.ru

Matiev Magometbashir Adamovich
Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department
of Ingush Literature and Folklore, Ingush State University, Magas, Russia

Yanarsanova Dalia Musaevna
Researcher at the Department of Ingush Folklore and Ethnography,
Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch. E. Akhriev,
Magas, Russia

The oral folk art of the Ingush contains rich historical material that illuminates the way of life and customs of the people at various stages of their historical and cultural development. The article considers the social and everyday traditions of the Ingush as one of the varieties of historical legends. The study of both historical and social traditions makes it possible to create a more complete and multifaceted picture of the history and culture of the people, to understand their value orientations and ways of perceiving the world. This is not just a collection of stories, but a deep dive into the national soul, into its memory and aspirations. In the traditions of the analyzed group, there is a tendency to typify images. The author examines the principles of idealization of heroes who embody popular ideas about good and evil, honesty, hard work and other moral qualities. Idealization is achieved by comparing heroes with various heroic and mythological characters. They are endowed with supernatural abilities, incredible strength and an extraordinary mind. The motives used in these stories to identify the national hero are analyzed.

Keywords: folklore; social traditions; everyday life; customs; folk hero; idealization; exaggeration; image; motive.

*****

В устном народном творчестве отражается бытие народа в его историческом и культурном измерении, а также особенности эпохи, в которую формировалось мировоззрение общества, основанное на передаче из поколения в поколение ценнейших знаний, традиций и представлений об окружающем мире и роли человека в нем. В массиве духовного опыта особую роль играют народные предания – устные рассказы, претендующие на достоверность и имеющие вид своеобразной летописи народа. В. К. Соколова отмечает ключевую функцию этого средства трансляции культурного кода: «предание – передаваемая из поколения в поколение устная народная летопись, основное назначение их – сохранить память о важных событиях и деятелях истории, дать им оценку» [1, с. 252].

Однако предание как жанр устного народного творчества не тождественно формату исторической хроники, функциональность предания гораздо шире. Дифференцируя предания на отдельные классы, можно выделить опорные точки (концепты) менталитета народа, осмыслить всё богатство его фольклорного наследия.

Исторические предания – это, по сути, народная версия трактовки исторических событий. Предания могут повествовать о судьбоносных вехах в эволюции общества, выдающихся личностях, значимых эпизодах истории. Важно

понимать, что исторические предания, существующие лишь в устном формате, со временем претерпевают изменения в части содержания, дополняясь художественными деталями, привнесенными авторами их пересказа; иногда подобная трансформация приводит и к отклонению сюжета от реального исторического хода событий. Тем не менее именно эти произвольные преобразования, добавления и гипертрофированная изобразительность, часто помогают исследователям понять отношение народа к тем или иным историческим явлениям. Анализ содержания преданий зачастую позволяет реконструировать не только конкретные исторические события, но и смоделировать отклик социума на них.

Социально-бытовые предания – это группа преданий, отражающая в сопровождающих сюжет описаниях повседневную жизнь народа, ее уклад, обычаи, нормы поведения, характер межличностных конфликтов и экстраординарные ситуации, оставившие отпечаток в общественном сознании.

В отличие от исторических преданий, фокус в социально-бытовых повествованиях сконцентрирован не на видных персонах, а на обычных людях, их противостоянии трудностям и борьбе за справедливость, их победах. В таких рассказах часто фигурируют образы народных заступников, героизированных личностей, символизирующих народные идеалы и традиционные ценности. Например, предания о «благородных разбойниках», стоявших на защите бедных слоев населения; о людях, проявивших необычайную смекалку или храбрость в час испытаний, демонстрируют восприятие народной памятью истинных социальных ценностей – взаимопомощи, доблести, самоотверженности.

История изучения социально-бытовых преданий ингушей включает в себя несколько этапов:

– публикации имперского периода истории России, представленные в ряде изданий – «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборнике сведений о Терской области», журнале «Этнографическое обозрение», газетах «Кавказ», «Терские ведомости» и др., а также в работах этнографа Ч. Э. Ахриева (1868–1870 гг.); в них мы находим переложения двенадцати нартских сказаний и ряд «волшебных сказок» и преданий [2];

– научные публикации советского периода (с открытием в 1926 году Ингушского научно-исследовательского института краеведения в 1920–1930-х годах было опубликовано несколько фольклорных сборников на ингушском и русском языках [3, с. 113–114; 4]);

– работы «новой волны» (очередной этап исследований ингушского фольклора знаменуют собой работы молодых энтузиастов: – Ибрагима Дахкильгова, Абу и Ахмета Мальсаговых, Башира Костоева, Лидии Цечоевой, Абукара Танкиева [3, с. 113–114].

Ингушские предания подразделяются на этногенетические (о происхождении народа или рода), топонимические (о происхождении названий географических названий – сёл, рек, гор и т.д.), предания о народных обычаях, о кровной мести и другие [4; 5, с. 20–25].

В социально-бытовых преданиях наблюдается тенденция типизации героических образов. В частности, герои предстают в качестве собирательного образа, воплощающего народные представления о добре, зле, честности, трудолюбии и других базовых нравственных качествах. Показ общего, типического через частное, конкретное, как отмечает В. К. Соколова, является одной из характерных особенностей таких рассказов [1, с. 253]. Через конкретных героев предания транслируют универсалии житейской мудрости и нравственные уроки новым поколениям.

Для изучения процесса идеализации героя в социально-бытовых преданиях ингушей можно использовать ряд частнонаучных методов – текстовый анализ (с учетом сравнительной типологии, сравнительной истории и вариационной методики), а также методы интерпретации зафиксированных фольклорно-

мифологических образов, типизации компонентов народной духовной культуры и анализа жанровых особенностей данного формата устного фольклора.

В ходе исследования было выяснено, что, несмотря на наличие элементов преувеличения и приукрашивания, в основном в преданиях доминирует установка на достоверность [6, с. 431–438].

В части инструментария идеализации героики в социально-бытовых преданиях ингушей был выявлен следующий набор принципов, задействованный в сюжетах рассказов:

– нравственная чистота и благородство, смелость и умеренность в пище эпического героя [8, с. 24];

– защита «своего» мира: в песнях об отраженных набегах врагов герой защищает «свой мир» от притязаний иноземных феодалов; в песнях о кровной мести герой мстит врагу за убийство родных ему людей (обычно – своего отца), их пленение или оскорбление [8; 9, с. 89–101];

– гостеприимство (для героев преданий это один из важнейших обычаев, соблюдение которого носит императивный характер): так, Колой Кант, придерживаясь традиций гостеприимства, только на третий день расспрашивает свою гостью, которая была прислана коварным Сеска Солсой со злым умыслом, о том, кто она и каким образом попала к нему [10, с. 22];

– щедрость героя – весьма существенное качество, причем независимо от того, насколько он материально обеспечен [8, с. 24; 11, с. 562–564];

– демонстрация превосходства героя над противником – ключевой принцип идеализации героя в преданиях.

В основе традиционного образа идеализированного героя лежит его умение, смекалка, исключительное мужество и, что особенно важно, благородство. Как правило, идеализируемый герой является выходцем из народных масс. Простой землепашец, скотовод становится заступником обездоленных.

В этой связи имеет смысл проанализировать ингушское предание «Мужество Сурхо Адиева» [7, с. 245–246]. Этот герой также встречается в героико-эпических песнях ингушей, он представлен в них как могучий богатырь, жизнь которого проходит в сражениях и охоте. В преданиях же он показан человеком среднего роста, занимающимся чисткой стойла (уборкой навоза). В начале повествования указано, что именно этот народный герой убил князя Мусоста, разделил его земли среди людей и обрел таким образом известность. Когда к нему для знакомства приехали тринадцать известных мужей, Сурхо хозяйничал у себя во дворе; гости не признали его, посчитав обычным батраком-пастухом. Не отведав пищи хозяина, они покинули дом Сурхо, чем нанесли ему оскорбление. В ответ Сурхо лишил мужчин оружия, что также считалось тяжким проступком. Текст, положенный в основу данного анализа, демонстрирует довольно распространенный принцип идеализации персонажа: герой – выходец из народа; он представлен в образе простого землепашца (пастуха, охотника), который становится защитником слабых (бедных); такой типаж героя глубоко укоренен в народном сознании многих этносов. И это не просто художественный прием или изобразительно-выразительное средство, но отражение стремления простого населения видеть в «своих» героях тех, кто понимает тяжелое положение народа и знаком с его насущными проблемами. Такой герой – воплощение народной идеи о социальной справедливости; о том, что, даже будучи выходцем из самых низов, можно достичь благородного положения, духовного и материального величия, а главное – изменить окружающий мир к лучшему. На примере сюжета рассмотренного предания показана его связь с реальной социальной повесткой дня той эпохи, а также соответствие этой повестке дня личностных качеств героя.

Народные заступники, провозвестники единства народа, благородные разбойники из преданий – все они, как правило, наделены многими положительными качествами и являются прототипами исторических персонажей. Традиционным приемом идеализации героя в преданиях выступает гиперболизация: преувеличиваются как физические качества героя, так и его нравственные черты – он

силен, большого роста, он в состоянии поднять тяжелый камень, что другим сделать не под силу и т.д.; показана и сила духа героя, его стойкость перед лицом испытаний – он способен преодолевать препятствия, которые сломили бы обычного человека.

Однако, надо отметить, что в преданиях данного цикла гиперболизация выглядит более умеренной, нежели, к примеру, в преданиях более раннего времени. Об этом, в частности, пишет Н. А. Криничная: «в поздних же преданиях гиперболизация если и имеется, то она не выходит далеко за пределы возможного, что усиливает реалистические элементы мотива в целом и образа, в частности, хотя и в этих случаях изображение не остается без влияния определенной традиции» [12].

Среди преданий рассматриваемого класса немало сюжетов, в которых главный герой – народный заступник – вступает в борьбу с легендарными личностями. И в этом противостоянии, по сути, обычный человек (с точки зрения силы и умственных способностей) оказывается победителем прославленных мужеством и храбростью героев (привнесенных из нартского эпоса и других преданий). К примеру, в повествовании о неком Чопай Гарше говорится, что он брал дань со всех, кто проходил мимо его башни. Если кто-то отказывался платить дань, Чопай Гарш сбрасывал на него тяжелые камни. Однажды по этой тропе ехал Солта, и он отказался платить за проезд. Тогда Чопай Гарш начал бросать в него камни. Но Солта не стал вступать в противоборство – он саблей разрубил огромный камень, который оказался у него на пути.

Происхождение имени Солта из данного предания фольклорист И. Дахкильгов объясняет следующим образом: «Солта – возможно, это имя – упрощенный вариант имени нарта Сеска Солса. Именно он славится в сказаниях тем, что при случае рубит скалы. Например, зазубренность вершины горы Цайлоама горцы объясняют тем, что эту гору Сеска Солса порубил в гневе» [7, с. 224].

В фольклоре многих народов встречаются персонажи, которые, несмотря на свои положительные качества, имеют и некоторые отрицательные черты. Эти герои могут обманом или хитростью достигать своих целей, что делает их образы более сложными, многогранными и нетривиальными. В ингушских преданиях можно найти несколько увлекательных сюжетов, повествующих о представителях некоторых родов, которые использовали хитрость, для того чтобы выиграть в споре. Так, в одном из преданий говорится, что герой, стремясь одержать победу, поставил сопернику подножку. На первый взгляд, такой поступок может показаться аморальным и бесчестным, но именно в этом противоречии и заключается суть «идеализированного» героя – на самом деле, он – не идеален, и его действия вызывают неоднозначную оценку с точки зрения морали и этики. В другой версии предания этот же герой советует своему сопернику не заходить в воду, которую пьют люди в обуви. Это утверждение, хотя и выглядит правдоподобным, на самом деле, является уловкой, которая, согласно фабуле предания, задерживает соперника и дает возможность герою выиграть спор. Здесь мы видим, как хитрость и манипуляция становятся инструментами для достижения желаемого результата. Предания с похожим нарративом – это не просто увлекательные истории. Они заставляют задуматься о природе героизма и о том, что совершенные образы часто таят в себе сложные моральные дилеммы и противоречия. Хитрость как средство достижения цели может вызывать восхищение, но она также и осуждаема, что делает такие рассказы актуальными и в современный период.

Время возникновения преданий о народных заступниках – феодальный этап развития общества. Как пишет Н. А. Криничная, «мотив происхождения разбойников, включающий в себя образ идеализируемого героя, является сравнительно поздним, и потому социальное содержание проявляется в нем с достаточной определенностью. При этом структура данного мотива претерпевает заметные количественные и качественные изменения: в ней усиливаются элементы, связанные с изображением разбойника как жертвы социальной несправедливости и с трактовкой разбойничества как своего рода протеста против существующего неравенства» [12].

На позднее происхождение данных преданий указывает и М. М. Курбанов, отмечая, что «социальная заостренность конфликта <…> наводит на мысль о позднефеодальном происхождении произведений, когда в сказаниях аналогичного направления произошел процесс демифологизации его основных элементов и наполнения их социальными и историко-бытовыми реалиями» [13, с. 164].

Ингушский фольклор, как и многие другие формы народного творчества, неразрывно связан с историческими, социальными и экономическими процессами, происходившими в обществе в соответствующие периоды истории. С началом освоения горцами равнинных земель наблюдается значительная эволюция образа героя, который в народных преданиях становится уже не только независимой личностью, но и символом объединения и консолидации разрозненных племен.

В традиционном ингушском фольклоре героями часто являлись выдающиеся представители родов, олицетворявшие силу и доблесть своих предков. В процессе освоения новых территорий и взаимодействия с другими культурами, этот образ претерпевает изменения – «большое развитие получают идеалы консолидации разрозненных племен в единую народность. В этот новый период восхваление родовых личностей стало уходить в прошлое <…>. Деятельность героя становилась значимой уже в более обширных рамках общенародных задач. Эта личность становилась выразительницей чаяний и стремлений всего консолидируемого народа» [14, с. 18]. Это изменение обусловлено социально-экономическими и политическими причинами. В условиях, когда отдельные роды сталкивались с внешними угрозами, более важными становились приоритеты формирования единого народного сознания и объединения племен перед лицом новых вызовов. Герои, которые раньше могли быть сосредоточены лишь на стремлении к личной славе и славе рода, теперь становятся выразителями чаяний всего народа: такие герои преданий, как Лоаман ха, Нярт Нясар и Нярт Орстхо, которые стояли на страже кургана Ачамаз-барз и защищали свой народ от ногайских и салойских княжеских дружин, пытавшихся захватить их земли, – яркое тому подтверждение. Эти трое храбрецов могли уничтожить целый отряд вражеских воинов. Использование в их именах слова «нарт» говорит о том, что они в народном сознании ассоциировались с могуществом и силой.

Среди новых мотивов, появляющихся в исторических преданиях, можно также выделить темы единства, сплоченности и коллективного действия. Герои начинают действовать не только ради себя, но и ради общего блага. Это отражает важные социальные перемены: народ постепенно осознает силу единства, что, в свою очередь, способствует формированию выраженной национальной идентичности; а это обстоятельство нельзя рассматривать в отрыве от социально-политического контекста. Освоение равнинных земель открывало широкие экономические перспективы, но также ставило перед ингушами новые задачи и вызовы. В условиях, когда племена сталкивались с необходимостью защищать свои интересы, возникали идеалы, подкрепляющие ценности сплоченности и взаимопомощи.

В социально-бытовых преданиях ингушей идеализация героя связана с образами младшего сына в семье, сироты, падчерицы и других обездоленных людей. В моральном отношении эти персонажи безукоризненно чисты. Их идеализация связана с тем, что в результате распада родового строя именно они оказываются наиболее социально незащищенными, а также с тем, что, оставаясь в семье родителей, они превращались в хранителей и приверженцев семейно-родовых культов и традиций. Эти герои всегда находятся в центре развития сюжета социально-бытовых преданий, и их действия развивают сюжет рассказа, приводя к достижению героем некой сказочной цели. Именно им помогают чудесные силы, именно они являются олицетворением доброго начала.

В социально-бытовых сказках ингушей в качестве главных героев, как указывалось выше, чаще всего выступают бедняк, умная девушка, ловкий вор, пройдоха, мулла, богач, купец и др. Эти типажи действуют не в «магическом» мире, а в хорошо знакомой каждому простолюдину обстановке горского аула. Бедняк

ведет борьбу с реально существующими врагами – богачом, купцом, князем, представителями духовенства – за конкретные идеалы [15, с. 66].

Выявленные нами в процессе исследования характерные особенности идеализации героя в ингушских преданиях позволяют сформулировать ряд важных положений:

– героями обычно выступают бедняки; они находятся в хорошо знакомой простолюдину обстановке и ведут борьбу с противниками, существующими также и в реальной жизни, за общеизвестные общественные идеалы. Основная идея здесь сводится к борьбе героя против социального зла и обличению жадности, лживости, ханжества и тунеядства [15, с. 66];

– в цикле преданий нередко встречается прием гиперболизации личных качеств героев, что делается с целью возвеличивания народного начала [6, с. 431–438; 16];

– наиболее идеализируемым в ряду духовных ценностей является обычай гостеприимства [10, с. 22].

Таким образом, идеализированный герой в ингушском фольклоре выступает символом не только физической силы, но и моральной ответственности. Он призван вдохновлять народ на действия, направленные на защиту и развитие культуры, благоустройство своей земли.

Эволюция идеализированного героя в ингушском фольклоре – это отражение глубинных изменений в ингушском обществе. С переходом от родовых идеалов к общенародным стремлениям герои преданий становятся символами единства, сплоченности и коллективной силы общества. Эти изменения не только обогащают фольклор, но и способствуют формированию национальной идентичности, что особенно актуально в современном мире, где вопросы идентичности и единства становятся всё более значимыми [17].

Можно заключить в связи с этим, что изучение специфики героизации в ингушском фольклоре позволяет не только понять культурные особенности народа, но и осознать то, каким образом исторические изменения влияют на формирование коллективного сознания и социальных идеалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова, В. К. Русские исторические предания. – Москва, 1970. – 290 с.
2. Мальсагов, А. О. Сказки и легенды ингушей и чеченцев / А. О. Мальсагов, А. И. Алиева. – Москва: Наука, 1983. – 383 с.
3. Саутиева, Ф. Б. Устное народное творчество Ингушетии: история развития и специфика национального своеобразия // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – №6(67). – С. 113–114.
4. URL: https://ingushetia.ru/about/kultura/folklor.php.
5. Тагирова, З. М.Топонимическая система как отражение мировосприятия аварцев (на примере пословиц и поговорок) // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2016. – №9. – С. 20–25.
6. Костоева, А. М. Жанровые особенности исторических преданий ингушей // Litera. – 2023. – №12. – С. 431–438. – DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69423.
7. Дахкильгов, И. А. Антология ингушского фольклора. – Т. 8, вып. 2. – Нальчик, 2010. – 354 с.
8. Матиев, М. А. Ингушский песенный эпос Илли: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / специальность 10.01.09 «Фольклористика». – Нальчик, 2004. – 24 с.
9. Тагирова, З. М. Репрезентация понятия «открытое пространство» в книге Р. Гамзатова «Мой Дагестан»: сборник материалов Межд. научной конф., посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Дагестана. – Махачкала: АЛЕФ, 2023. – С. 89–101. – DOI 10.33580/9785002123384_89.
10. Горчханова, Т. Х. Жанр рассказа в ингушской литературе истоки. Становление: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

филологических наук / специальность: 10.01.02 «Литература народов РФ». – Москва, 2016. – 22 с.

11. Оцомиева, З. М. Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана) / З. М. Оцомиева, С. М. Темирбулатова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2(75). – С. 562–564.

12. Криничная, Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. – Ленинград, 1987. – 325 с.

13. Курбанов, М. М. Душа и память народа: жанровая система табасаранского народа и ее историческая эволюция. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1996. – 222 с.

14. Дахкильгов, И. А. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / И. А. Дахкильгов, А. О. Мальсагов – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1986. – 528 с.

15. Танкиева, Л. Х. Генезис, специфика и типология ингушских сказок: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / специальность 10.01.09. – Махачкала, 2009. – 66 с.

16. Дахкильгов, И. А. Антология ингушского фольклора. – Т. 7, вып. 1. – Нальчик, 2010. – 363 с.

17. Криничная, Н. А. Предания Русского Севера: реальность и традиции // Предания Русского Севера. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – 326 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 80\81

ПОЛИФОНИЯ КАК ВАЖНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПРИ СОЗДАНИИ МНОГОСЛОЙНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аракелян Нина Сергеевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
Краснодар, Россия
E-mail: nina605@rambler.ru
SPIN-код: 9579-7013

Зайцева Анна Эдуардовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
Краснодар, Россия
E-mail: anyuta_zaytseva76@mail.ru
SPIN-код: 7674-3028

Данная статья сосредоточена на изучении полифонии различных языков мира и их взаимном влиянии в условиях глобализации. В статье рассматриваются особенности полифонии языков, а также приводятся примеры языкового взаимодействия в многоязычных регионах. Исследование основывается на современных лингвистических теориях и методах. Результаты работы подчёркивают важность осознания полифонии для создания эффективных подходов к языковому обучению и межкультурной коммуникации. Изучение полифонии в контексте обучения иностранным языкам при формировании лингвистической компетенции представляет собой значимый аспект процесса овладения иностранным языком. Освоение иностранного языка связано не только с изучением лексического материала, но и с развитием навыков грамматических, лексических и стилистических трансформаций. Кроме того, важным является умение эффективно применять полученные знания в процессе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: языковая полифония, теория полифонии, межкультурная коммуникация, глобализация, культурное разнообразие, языковое взаимодействие, текстовая полифония, лингвистическая и переводческая компетенции.

THE IMPORTANCE OF POLYPHONY IN CREATING MULTILAYER COMMUNICATION SPACE

Arakelyan Nina Sergeevna
Senior lecturer at the department of foreign languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
Krasnodar, Russia
E-mail: nina605@rambler.ru

Zaytseva Anna Eduardovna
Senior lecturer at the department of foreign languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
Krasnodar, Russia
E-mail: anyuta_zaytseva76@mail.ru

This article focuses on the study of polyphony of various languages of the world and their mutual influence in the context of globalization. The article examines the features of language polyphony, and provides examples of language interaction in multilingual regions. The study is based on modern linguistic theories and methods. The findings of this work highlight the significance of understanding polyphony in developing effective methods for language teaching and intercultural communication. The examination of polyphony during foreign language instruction plays a crucial role in the development of linguistic competence. Mastery of foreign languages involves studying vocabulary, utilizing grammatical, lexical, and stylistic transformations, as well as the ability to effectively apply acquired knowledge in intercultural communication.

Keywords: linguistic polyphony, theory of polyphony, intercultural communication, globalization, cultural diversity, linguistic interaction, text polyphony, linguistic and translation competence.

*****

Полифония, как литературный и философский концепт, играет ключевую роль в формировании многослойного коммуникативного пространства в художественном произведении. Этот термин, впервые введенный М. Бахтиным, обозначает наличие множества голосов и точек зрения, которые взаимодействуют друг с другом, создавая сложную ткань смыслов и интерпретаций. В контексте современного литературного анализа полифония позволяет авторам не только передавать разнообразие человеческого опыта, но и отражать сложность социальных и культурных взаимодействий. Она в языке представляет собой комплексную структуру, в которой происходит сосуществование нескольких языков в едином коммуникативном пространстве, и это процесс не предполагает их обязательного равноправия в одних и тех же сферах. Бахтин М. рассматривал полифонию как метод, позволяющий автору высказать сразу несколько независимых точек зрения, каждая из которых сохраняет свою самостоятельность в пределах общего контекста [1, С.150].

Данная тема является актуальной, поскольку в настоящее время происходит культурное и языковое взаимодействие не только между людьми одной территории, но и между народами всевозможных национальностей, этносов и стран. А проявляется это в самых разных сферах, в том числе в их массовой коммуникации, например, между студентами университетов или на международной арене. Человек – существо общественное. Он живет в обществе и, следовательно, может и должен общаться с другими членами этого общества. Слова связывают людей,

объединяют их через общение. Без общения нет общества. Слова, складываясь в язык, определяют человека. Понимание коммуникации между людьми, ее осмысление, – это основа существования человека, при таком невиданном смешении народов, языков и культур, именно этим вызван столь высокий интерес к вопросам межкультурной, международной коммуникации [11, С. 326].

Цели данной статьи – выявить особенности полифонии в различных языках мира, разобрать на конкретных примерах некоторых стран. Ответить на вопрос: «Актуально ли изучение полифонии в условиях глобализации?»

Полифония различных языков мира является сложным и многоуровневым феноменом, представляющим собой не только лингвистическое, но и культурное явление. Многоязычие, вариативность внутри языка и межъязыковое взаимодействие приводят к созданию многослойного пространства, которое отражает разнообразие мировых культур и языковых систем. В данной статье были рассмотрены полифонии языков конкретных стран, были изучены их особенности. Изучать полифонию важно для понимания того, как язык и культура взаимодействуют, создавая уникальную ткань мировой коммуникации [3, С.74].

С лингвистической точки зрения, полифония заключается в существовании в языке множества уровней и смысловых перспектив. Например, это ярко прослеживается в следующих языках: русский, японский, французский, английский. В повседневном общении она проявляется в смене между различными говорами, сленгами, официальными и неформальными высказываниями, что отражает социальные и культурные различия говорящих. Применение данного явления в лингвистике для исследования множественности языковых уровней и смыслов в контексте текстовой полифонии имеет важное значение для формирования лингвистической и переводческой компетенции у обучающихся. Таким образом, данная парадигма представляет собой не только перспективный, но и необходимый подход в образовательном процессе, поскольку она обеспечивает комплексное воздействие на говорящего в ходе обучения.

В контексте литературного анализа мы рассмотрели роль полифонии в создании многослойного коммуникативного пространства в литературном тексте. Для достижения этой цели будут рассмотрены следующие аспекты:

1. Функционирование полифонии как механизма создания диалогического эффекта в тексте, позволяющего читателю активно участвовать в процессе интерпретации.

2. Роль полифонии в отражении сложности социальных и культурных взаимодействий в литературном тексте.

3. Влияние полифонии на формирование эмпатии и критического мышления у преподавателя.

Методология исследования будет основана на анализе литературных текстов, демонстрирующих полифоничность, и на теоретических работах по литературной критике и философии.

В целом, настоящее исследование расширит наше понимание роли полифонии в литературном тексте и ее влияния на процесс коммуникации между автором, текстом и читателем.

Полифония охватывает не только языковую составляющую, но и включает в себя культурные коды и символические значения. Если же разбирать примеры конкретных стран, то можно выделить следующие особенности полифонии языков данных государств. Например, во Франции основоположником теории полифонии языка являлся Освальд Дюкро, считавший, что полифония французского языка – это соединение в пределах одного высказывания или связного текстового фрагмента, смыслов, выводящих на сцену двух говорящих, одного – прямо высказывающегося, другого – косвенно высказывающегося. Также О. Дюкро утверждал, что при наложении друг на друга различных голосов в высказывании нужно их делить на говорящего как выразителя определённой точки зрения [2, С.21]. Например, в полифоническом ракурсе можно исследовать большинство иронических высказываний. Также в современной французской прозе полифония высказывания

выражается с помощью визуальных графических средств, например, периферийных знаков пунктуации.

В английском языке полифония понимается как множественность голосов-сознаний, выражающихся в тексте с помощью различных средств, в основном, с помощью средств грамматики и лексики. Также под полифонией английского языка понимают способность пользователей языком сознательно перестраивать свою речь и, в зависимости от ситуации и содержания-намерения высказывания, менять голоса для достижения более эффективного общения. В английском языке присутствует дифференциация по географическому, социальному и даже этническому признакам, что порождает уникальную многоголосность в произведениях литературы и в повседневном общении [4, С.54].

Полифония японского языка выражается в уникальном сочетании многозначности, недосказанности, использования разных уровней вежливости. Также она может выражаться и через скрытую символику, придающая текстам некую эмоциональную глубину. Эти особенности создают многослойность японского общения, где один и тот же текст или высказывание может нести сразу несколько значений в зависимости от ситуации, отношений между собеседниками и культурного контекста [5, С.130]. Например, некоторые слова могут иметь несколько значений в зависимости от того, как их прочитать. Сочетание двух иероглифов может означать «очень бедный», либо «крошечный». Это связано с тем, что у большинства иероглифов, а именно кандзи, есть минимум два прочтения: китайское и японское.

Если же рассуждать о полифонии русского языка, то непременно стоит сказать, что классическая литература России является конкретным примером, где полифония находит своё выражение. В частности, произведения известных русских писателей демонстрируют яркую полифонию, где герои представляют различные социальные, философские и идеологические позиции, порождая богатую многослойность. Так, в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» противоречивые голоса чиновников, простых людей и самого Городничего приводят к созданию комического эффекта, каждый персонаж привносит свои идеи и мнения, создавая, таким образом, полифонию конфликтов ситуаций [6, С.150]. Также ярким примеров полифонии является роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где каждый брат – Алёша, Иван и Дмитрий – имеет свою уникальную философскую точку зрения на жизнь веру и мораль. Дебаты между ними отражают различные аспекты человеческой природы и этики, что создаёт многоголосое повествование [7, С. 324]. В данном исследовании мы сосредоточили внимание на мире романа Ф. М. Достоевского через призму анализа категории «Голос», который не только представляет собой одну из ключевых категорий текста, но и служит эффективным инструментом для когнитивного познания. Анализ категории «Голос» в произведениях Ф. М. Достоевского открывает новые горизонты для понимания его литературного мира и глубины психологической проработки персонажей. Достоевский, как мастер полифонического повествования, использует «Голос» не только как средство передачи информации, но и как инструмент для создания многослойного нарратива, который позволяет читателю погрузиться в сложные внутренние конфликты и диалоги, происходящие в сознании персонажей.

Голос как средство научного анализа текста способствует выявлению основных характеристик структуры повествования, что необходимо для глубокого понимания смыслов литературного произведения. Понятие «Голос» (voice) было введено в лингвистический дискурс в 1970-х годах XX века и рассматривается наряду с категориями «времени» (tense) и «способа» (mode) как один из основных аспектов нарративной структуры.

Одним из основных аспектов полифонии является возможность представления различных точек зрения, что способствует более глубокой интерпретации текста. В произведениях, где присутствует полифония, читатель сталкивается с множеством «голосов», каждый из которых вносит свой вклад в общий смысл. Это создает эффект диалога, который позволяет читателю не только воспринимать информацию, но и активно участвовать в процессе осмысления текста. Таким образом, полифония

становится важным инструментом для создания многослойного коммуникативного пространства, где взаимодействие различных голосов обогащает читательский опыт. Кроме того, полифония отражает сложные внутренние конфликты персонажей и их взаимодействия с окружающим миром. Каждый голос в произведении может представлять разные социальные, культурные и индивидуальные контексты, что позволяет глубже понять мотивацию и действия героев. Это создает возможность для читателя увидеть мир глазами различных персонажей, что способствует развитию эмпатии и критического мышления.

Далее мы рассмотрим наиболее важные компетенции основных характеристик структуры повествования, которые необходимы для глубокого понимания смыслов литературного произведения:

1. Полифония и «Голос»

«Голос» служит важным элементом, который позволяет различным персонажам выражать свои уникальные точки зрения и внутренние переживания. Полифония создает эффект диалога не только между персонажами, но и между читателем и текстом, вовлекая аудиторию в активный процесс интерпретации.

2. Психология персонажей

Многие авторы произведений мастерски используют «Голос» для передачи сложных психологических состояний своих героев. Например, в романе «Преступление и наказание» внутренний монолог Раскольникова становится важным инструментом для понимания его мучительных размышлений о преступлении и искуплении. Здесь «Голос» не просто сообщает информацию о его действиях, но и раскрывает глубину его страданий, сомнений и моральных дилемм. Читатель становится свидетелем его внутренней борьбы, что вызывает эмпатию и сопереживание.

3. Социальный и культурный контекст

Голос также служит отражением социального и культурного контекста, в котором живут персонажи. Достоевский, например, использует различные «Голоса» для демонстрации многообразия мнений и взглядов на моральные, философские и социальные вопросы своего времени. Это создает многослойную структуру, в которой читатель может видеть не только индивидуальные переживания героев, но и более широкие социальные и культурные взаимодействия.

4. Эмпатия и критическое мышление

Использование «Голоса» в произведениях Достоевского способствует развитию эмпатии и критического мышления у читателя. Погружаясь в различные точки зрения, читатель начинает осознавать сложность человеческой природы и разнообразие моральных выборов. Это не только обогащает литературное восприятие, но и формирует более глубокое понимание человеческих отношений и социальных структур.

Таким образом, анализ категории «Голос» в литературных произведениях является ключевым инструментом для понимания этих произведений. «Голос» не только обогащает текст многослойностью и глубиной, но и создает пространство для диалога между автором, персонажами и читателем. Это позволяет глубже осмыслить не только художественные аспекты произведений, но и более широкие философские и социальные вопросы.

Таким образом, в зависимости от участия автора в речевом потоке персонажа и уровня его разграничения, внутренняя речь в художественной литературе представляет собой сложный и многогранный феномен, который может быть представлен в различных формах. Рассмотрим четыре основных типа внутренней речи, каждый из которых выполняет свою уникальную роль в раскрытии внутреннего мира персонажа и его эмоционально-мыслительной деятельности.

1. Внутренний монолог

Внутренний монолог – это лингвостилистический прием, позволяющий автору передать читателю процесс размышлений и эмоциональных переживаний героя. Он представляет собой последовательное изложение мыслей, чувств и рефлексий персонажа, что дает возможность читателю глубже понять его внутренние конфликты

и мотивацию. Внутренний монолог может быть как структурированным, так и свободным, что позволяет отразить сложность и многослойность внутреннего мира героя.

2. Аутодиалог

Аутодиалог – это форма внутренней речи, представляющая собой диалог персонажа с самим собой. В отличие от внутреннего монолога, аутодиалог включает в себя элементы диалектики, где персонаж может рассматривать различные точки зрения, задавать себе вопросы и искать ответы. Этот тип внутренней речи помогает создать более динамичную и многогранную картину внутреннего мира героя, подчеркивая его внутренние противоречия и сложности.

3. Поток сознания

Поток сознания – это сложный механизм, который отражает непрерывный поток мыслей, чувств и ощущений, возникающих в сознании персонажа. Эта форма внутренней речи характеризуется высокой степенью ассоциативности и фрагментарности, что делает ее наиболее нерасчлененным видом внутренней речи. Поток сознания часто проявляется в моменты эмоциональных кризисов или принятия жизненно важных решений, когда происходит борьба между рациональным и эмоциональным, разумом и чувствами. В этом контексте авторское вмешательство минимально, что позволяет читателю непосредственно погрузиться в переживания персонажа.

4. Внутренний диалог

Внутренний диалог можно рассматривать как промежуточную форму между аутодиалогом и потоком сознания. В отличие от аутодиалога, который более структурирован, внутренний диалог может включать в себя элементы диалога между различными аспектами личности персонажа. Это может быть борьба между его желаниями и моральными принципами, страхами и надеждами. Внутренний диалог позволяет глубже исследовать сложные психологические состояния и конфликты, которые испытывает персонаж.

Каждый из этих типов внутренней речи выполняет свою уникальную функцию в художественном произведении, позволяя автору создавать многослойные образы персонажей и передавать их внутренние переживания. Использование различных форм внутренней речи способствует более глубокому пониманию психологической и эмоциональной сложности литературных героев, а также обогащает читательский опыт.

Категория Голос вышла за рамки текстового анализа и стала важным инструментом для изучения когнитивной особенностей текста, которая оформилась как самостоятельная область, благодаря бурному развитию когнитивной лингвистики.

В условиях глобализации полифония превращается в так называемый рычаг обмена культурными ценностями. Полифония способствует более глубокому осмыслению национальных характеристик и позволяет передавать ценности различных культур с помощью мультиязычных текстов, переводов и межкультурных коммуникаций. Существует мнение, что «межкультурное общение всегда являлось специфическим трендом для стереотипов каждой культуры» [8, С. 42]. Благодаря этому создаются особые возможности для кросскультурного взаимодействия, где полифония играет роль не только языковой, но и культурной стратегии, позволяющей выстраивать связи между различными традициями. Немаловажным принципом обучения коммуникации на чужом языке – это принцип наглядности. Не только иллюстрация текста, но и его аудиовизуальное сопровождение, включая видеоматериалы, способствуют более эффективному усвоению информации. В процессе обучения иностранным языкам критически важно задействовать различные каналы восприятия и органы чувств для более полного восприятия изучаемых явлений. Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам основывается на использовании всех органов чувств в процессе освоения нового материала. Использование ярких фотографий и символов в образовательном процессе вызывает у обучающихся определенный ассоциативный ряд, активизирует познавательную деятельность. Технические возможности современных электронных

устройств помогают преподавателю определиться с вариантом предоставления материала, сделать информацию наглядной. Изложение информации в сжатом виде способствует концентрации внимания. Преподаватели отдают предпочтение скрайбингу, поскольку именно эта технология предполагает подготовку визуального конспекта в режиме реального времени [10, С. 58]. Это необходимо как минимум для саморазвития, ведь это расширяет кругозор понимания того, как люди общаются на конкретном языке. При нынешних условиях всеобщей унификации и интеграции общества исследование полифонии приобретает особую значимость, поскольку способствует не только сохранению, но и укреплению, развитию культурного многообразия языков, а также «этот подход акцентирует внимание на необходимости развития умения эффективно взаимодействовать с представителями других культур, адаптировать своё поведение и язык в соответствии с особенностями культурного контекста» [9, С. 65]. Современная жизнь поликультурна и многоязычна. Владение языками в полиэтническом пространстве для бесконфликтного сосуществования народов, говорящих на разных языках, является одним из приоритетных условий нормального, взаимного общения.

В статье представлен метод изучения зарубежной литературы, который не только инициирует погружение в культурный контекст англоязычных стран (культурологический аспект изучения иностранного языка), но и способствует развитию ключевых компетенций, таких как аргументация и творческое мышление. Этот подход включает в себя интеграцию литературного анализа и культурного контекста, что позволяет учащимся не только осваивать язык, но и формировать культурную грамотность. Авторы высказывают надежду, что данный метод, применяемый в образовательном процессе, сможет стимулировать у студентов интерес к художественному тексту как к бесконечному источнику знаний и новых открытий. Такой подход способствует формированию критического мышления, позволяя учащимся анализировать и интерпретировать тексты с различных точек зрения, что, в свою очередь, обогащает их личный и интеллектуальный опыт.

Таким образом, метод, описанный в статье, представляет собой синтез культурологического и литературного подходов, направленный на углубление понимания и восприятия художественной литературы, что является важным аспектом в процессе обучения иностранным языкам [12, С.58]. Следует отметить, что полифония является важным элементом в создании многослойного коммуникативного пространства в литературе. Она не только обогащает текст, но и предоставляет читателю возможность для активного участия в процессе интерпретации, что делает чтение более глубоким и многогранным. В условиях современного мира, где разнообразие голосов и мнений играет ключевую роль, полифония становится особенно актуальной, позволяя нам лучше понимать сложность человеческого опыта и взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. "Проблемы поэтики Достоевского". – М.: Искусство, 1972.– 167 с.
2. Каган М.С. "Философия культуры" СПб.: Лань, 1998. – С.15–26.
3. Кудрявцева Н. Б. Интертекстуальность и полифония как основа языковой игры //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – №. 12 (751). – С. 69–78.
4. Береснева М. А. Американский диатопический вариант английского языка в свете слоговой фонетики аффектов //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №. 1. – С. 52–55.
5. Уфимцева Н. В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии //Филология и культура. – 2012. – №. 2. – С. 129–132.
6. Гоголь Н. В. Ревизор: [сборник] / Москва: Издательство АСТ, 2023. – 224 с.

7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: [роман] / Москва: Издательство АСТ, 2021. – 992 с.

8. Донскова Л.А. Смысловое поле эмотивности в различных лингвокультурах // Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся: региональная практика. Материалы международной научной конференции. Красноярск, 2024. С. 40–43.

9. Донскова Л.А., Дудля М.М. Особенности коммуникативной толерантности в художественном тексте // Начала Русского мира. 2024. № 5. С. 64–70.

10. Ваганова О.И., Желтухина М.Р., Аракелян Н.С. Скрайбинг как способ реализации деловой коммуникации в образовательном процессе. Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-2. С. 57–60.

11. Аракелян Н.С. Политкорректность или языковой такт. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2008. № 41. С. 324–331.

12. Новичкова, Л. Н. Полифония как культурологический экскурс в мир английской литературы на уроке иностранного языка и способ изучения англоязычного художественного текста / Л. Н. Новичкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 15.2 (95.2). – С. 57-59. – URL: https://moluch.ru/archive/95/20768/ (дата обращения: 21.11.2024).

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ КРИПТОВАЛЮТ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Бредихина Ольга Михайловна
Преподаватель английского языка кафедра №8
(специализация – юридические понятия и категории
англо-американской системы права, 3-4 курсы),
факультет международного права МГИМО (У) МИД РФ
Москва, Россия,
E-mail: olga_b2000@mail.ru
ORCHID 0009-0000-1986-9206

Лингвисты называют 21 век эпохой неологизмов – в связи с компьютеризацией нашего общества, с появлением новых понятий, не существовавших ранее. Такие термины называют «абсолютные неологизмы».

Их распространение связано с различными явлениями, начиная от эпидемий («благодаря» COVID 2019 в русский язык вошли слова «ковид», «зумиться», «противоковидный»), появления новых компьютерных терминов («девайс», «цифровизация», «копипаст») до возникновения новых профессий и понятий, связанных с ними («контент-менеджер», «кибербезопасник», «игромастер», «робоэтик»).

Одним из важных явлений, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время, является развитие цифрового мира – в обучении, общении и экономике. В данной статье будут предприняты попытки объяснить некоторые вошедшие в русский язык англицизмы, связанные с криптовалютами.

Ключевые слова: Криптовалюта, неологизм, биткоин, майнить, блокчейн, эфириум, тезер, догекоин, Свит Экономи.

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF CRYPTOCURRENCIES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Bredikhina Olga Mikhailovna
Lecturer of English, English Department No.8,
(Specialization –Legal Definitions and Categories under Anglo-American System of Law),
International Law Department, MGIMO (U) MFA Russia
Moscow, Russia
E-mail: olga_b2000@mail.ru

Linguists name the 21st century “a century of neologisms” due to the computerization of our society, to the appearance of new terms which have not been in use before. Those terms are to be named “absolute neologisms”.

Their spread is associated with various phenomena, ranging from epidemics ("thanks" to COVID-2019, words like "covid," "to zoom," and "anti-covid" entered the Russian language) to the emergence of new computer terms ("device," "digitalization," "copy-paste") and the appearance of new professions and concepts related to them ("content manager," "cybersecurity specialist," "game designer," "roboethicist").

One of the most important events that we face nowadays is a rapid development of the digital world (in education, communication, economy). This article aims at explaining some of the new words that have come into Russian language and are connected with cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency, neologism, bitcoin, mining, blockchain, Ethereum, tether, dogecoin, Sweat Economy.

*****

Преподавание узкого аспекта иностранного языка всегда можно рассматривать с двух сторон – с одной, грамматические основы специализированного раздела, как правило, уже общего языка, но с другой – преподавателю постоянно приходится держать руку на пульсе и следить за тем, что происходит в современном мире. Особенно явственно это видно на примере делового языка – с развитием новых технологий появляются новые понятия, не имеющие аналогов в настоящем.

Неологизмы – слова или словосочетания, появившиеся в языке недавно. Не все слова, приходящие в язык, закрепляются в нем на постоянной основе.

Если провести краткий исторический экскурс, то можно заметить, что в русском языке много заимствований, ставших для нас неологизмами. Так, эпоха Петра I привнесла в наш язык такие слова как офицер, президент, реформа, балет, мода, шедевр, капюшон, метро, бульон и пр. После Отечественной войны 1812 года русский язык пополнился такими словами как шаромыжник, шваль, шантрапа. После Великой Отечественной войны мы стали использовать немецкие слова фриц, ганс, полицай и пр.

Но для целей данной статьи автор обратится к современной эпохе, эпохе глобализации и сузит свое исследование до одной темы – криптовалюты. Эта тема активно обсуждается в Интернете, поскольку криптовалюты с их момента появления менялись, появлялись новые – впрочем, данный процесс представляется бесконечным, поскольку развитие техники не стоит на месте. Но в данном исследовании предпринимается попытка вывести русскоязычные термины для англицизмов, связанных с тематикой криптовалют, поэтому статья будет представлять интерес не только для преподавателей юридического английского, но также и для юристов-практиков, равно как и для профессионалов, интересующихся данной темой.

Автор изучает и анализирует англо- и русскоязычные сайты, связанные с разными видами криптовалют, с их историей и современным статусом. Обобщение выявленных тенденций влечет за собой формализацию и обобщение определений.

Интернет стирает границы между странами, поэтому при возникновении какого-то термина в одном государстве появляется необходимость нахождения его эквивалента в другой стране. Некоторые государства идут по пути поиска\создания своего слова, поэтому, например, слово «компьютер», имеющее в основе своей латинские корни, по-французски звучит как «ordinateur», а по-гречески «υπολογιστή». В большинстве же языков слово просто транскрибируется на местный манер.

Примерно 50 лет назад начали появляться первые статьи об электронных средствах платежа, которые позволили бы гарантировать большую надежность переводов (прежде всего международных), а также их быстроту [Бондаренко Д.Д].

В 80-90х г.г. прошлого века появились первые цифровые деньги, но основным их отличием от современных криптовалют была централизованная система управления [Siripurapu Anshu, Berman Noah].

Окончательно систему формирования криптовалют без центральной системы управления принято связывать с именем Сатоши Накамото (интересно, что эксперты до сих пор спорят, кто это – один человек или коллектив авторов, откуда он – из Японии, как указал он сам, или, судя по его безупречному английскому, из Великобритании или США).

В 2009 г. был сгенерирован первый блок сети, было получено первые 50 биткоинов, состоялась первая трансакция. Буквально через 2-3 года криптоиндустрия стала стремительно набирать популярность, появлялись первые биржи, выходили специальные приложения – криптовалютные кошельки, предназначенные для хранения цифровых активов на компьютере пользователя; вскоре в Калифорнии

открыт bitcoin-банкомат, а через некоторое время стали появляться другие цифровые монеты [Мороз Дмитрий].

Хотелось бы более подробно остановиться на характеристике некоторых криптовалют и переводе их названий и сопутствующих терминов на русский язык. Представляется разумным предположить, что данная работа одна из немногих, в которой англоязычные названия не будут написаны на английском же языке, а будут достаточно подробно разъяснены, равно как и будут предложены их аналоги на русском языке.

Начнем с основного слова – криптовалюта, cryptocurrency. «Крипто» – корень слова, обозначающий «загадочный», «неразгаданный», «непонятный». «Currency» – валюта, средство платежа. Получается, это виртуальные платежные системы, не имеющие централизованного органа управления, а информация по сделкам с криптовалютой зашифрована для надежности. Термин «криптовалюта» впервые четко зафиксирован в журнале «Форбс» в 2011 г, в статье о системе Биткоин.

В России слово «криптовалюта» входит в официальный язык с 2014 года, когда и ЦБ, и Генпрокуратура обращают внимание на возможное незаконное использование криптовалют. Примерно в это время можно встретить термин, используемый как эквивалент криптовалюты – денежный суррогат (Минфин), но этот термин не получил широкого распространения.

Чуть выше упомянуто понятие «биткоин», Bitcoin. Bit – единица информации, coin – монета [Винья Пол, с. 23]. Система названа так, поскольку использует одноименную единицу для учета операций. В русском языке слово было транскрибировано без перевода, но можно встретить два варианта написания, с буквой «и» или «й». Чаще, однако, встречается первый вариант – его, например, можно встретить в Большой российской энциклопедии.

Параллельно с криптовалютами и ее разновидностями в наш язык входят слова, тесно связанные с ними – майнить, блокчейн, P2P, сатоши (Накамо Сатоши).

Майнить – от английского слова mining, добывать, означает получение криптовалюты на специальном оборудовании [Ashford Kate, Curry]. Это подразумевает добавление цифровых блоков к уже существующим цепям. Несмотря на достаточно простое определение, занятие это достаточно трудоемкое и затратное. Для осуществления майнинга необходимо специальное дорогостоящее оборудование, видеокарты или асики, а также достаточное количество электроэнергии (именно поэтому майнеры часто работают в тех странах, где энергия дешевле). Для сравнения – дороже всего майнинг биткоинов обходится в Южной Корее (более 25 тыс. долларов США), Германии (15 тыс. долларов США), а дешевле – в Венесуэле (около 600 долларов США), Узбекистане (2 тыс. долларов США).

Блокчейн – от английского «blockchain», то есть распределенная база данных, содержащая информацию обо всех участниках системы-цепочки. В каждом блоке прописывается определенное количество трансакций (сформированный блок получает уникальный буквенно-цифровой код – хеш). Сложность заключается в том, что каждый блок содержит информацию не только о себе, но и обо всех предыдущих сделках. Для того, чтобы изменить отдельный блок, надо внести изменения во все, а это крайне расточительно. Именно поэтому крипту подделывать просто невыгодно. Кроме того, информация об отдельных блоках «хранится» не на одном компьютере, а у разных пользователей, независимо друг от друга. Информация не пропадёт даже если часть устройств выйдет из строя [Генкин Артем, Михеев Алексей].

P2P, peer to peer (or person to person) – денежные переводы от одного лица к другому без участия банка-посредника, а с помощью определенного приложения. В русском языке встречаются разнообразные аналоги, начиная от не совсем точно передающих характер сделки «с карты на карту», «человек-человеку», «одноранговая сделка» до русскоязычного англицизма, «пиринговая сделка», который и используется чаще всего.

Сатоши – самая маленькая часть биткоина, своего рода «копейка», названная, как уже понятно, в честь создателя криптовалюты.

Кроме биткоина существует огромное количество криптовалют, но большинство из них незначительные и малораспространенные. На конец 2023 года их количество достигло 18 тысяч. Данная статья затронет только самые популярные и известные.

Эфириум – от английского слова «ethereum» – новая вариация криптовалюты [Ampel, Benjamin]. Но у нее есть серьезное отличие от того же биткоина, он использует огромное количество приложений, основанных на смарт-контактах. Это не отдельная валюта, а целая система, включающая и криптовалюту, и платформу для поиска инвестиций, инструменты для создания стартапов и пр. Создана данная система была русско-канадским программистом Виталиком Бутериным в 2013 году, единица валюты названа словом «эфир», от которого, собственно, произошло название и самой криптовалюты. Оно символизирует гипотетическую всепроникающую среду, проявляющую себя колебаниями электромагнитных волн. В настоящий момент Эфириум стоит на 2 месте после биткоина по сумме выпущенных средств, но, в отличие от биткоина, у него нет ограничений на выпуск валюты.

Эта криптовалюта известна тем, что в 2016 г. произошел взлом платформы, в итоге были украдены примерно 55 млн.долл.США в эфире. Чтобы вернуть средства инвесторам, было принято решение провести хардфорк (hardfork – «развилка», это способ внесения значительных изменений в программный код проекта на технологии блокчейн).

窗体底端

Tether (от анг. «привязывать») основан на протоколе биткоина, но большая его часть существует на платформе эфириума. Данная валюты создана в 2015 году компанией Tether Limited. Интересным является тот факт, что данная криптовалюты является первой, привязанной к американскому доллару в соотношении 1:1. Тут надо заметить, что реальная обеспеченность Tether долларом неоднократно ставилась под сомнение, но из-за веры в его стабильность курс держится на достаточно высоком уровне. С точки зрения филологии интересным представляется тот факт, что в русском языке уже можно встретить слово «стейблкость курса» (стабильность) – хотя пока еще в узких кругах представителей криптовалютного сообщества.

В русском языке можно встретить как написание на английском языке, так и слова «тезер», которое употребляется значительно реже.

Хотелось бы еще остановиться на такой валюте как Dogecoin (названа в честь интернет-мема Доге, с изображением собаки и смешными надписями к ней). В 2013 году ее запустили инженеры-программисты Билли Маркус и Джексон Палмер, которые изначально хотели дистанцироваться от биткоина, который часто ассоциируется с даркнетом. Эта валюта интересна тем, что ее поддерживает основатель Тесла Илон Маск, утверждающий, что в недалеком будущем будет принимать эту единицу в качестве оплаты за товары Тесла, Старлинк и пр., а также на заправках. Крупнейшая в мире сеть кинотеатров AMC уже принимает монеты к оплате. Благодаря поддержке крупных предпринимателей Dogecoin прибавил в стоимости – особенно после публикации поддерживающих ремарок Илона Маска в его твиттере в 2021.

Сообщество Dogecoin поддержало ряд благотворительных инициатив, включая сбор средств для олимпийской команды Ямайки по бобслею и строительство колодцев в Кении.

Русский эквивалент – догекойн, доджкойн.

Хотелось бы также уделить некоторое внимание Sweat Economy (SWEAT). Эта криптовалюта привлекает внимание своей необычностью – Вы можете зарабатывать ее сами через специальное приложение, фиксирующее Вашу активность. Своим появление SWEAT обязан Антону Дерлятка, Олегу Фоменко и Анбибу Арора, 2016 г.

Для получения 1 единицы валюты лицо должно совершить 1270 шагов, но в дальнейшем это число будет увеличиваться, дойдя до 18000 (чтобы избежать

инфляции). В будущем зарабатывать можно будет также ездой на велосипеде и в плавании. Монеты можно тратить на покупки в приложении или обменивать на реальные деньги через партнерские программы.

Компания Свит утверждает, что физическая активность людей способствует улучшению здоровья населения, именно поэтому данная криптовалюта достаточно популярна. Люди делятся своими достижениями, поддерживают друг друга – это помогает им сохранять мотивацию и продолжать свои занятия. Приложение дает возможность и вести здоровый образ жизни, и зарабатывать.

Русский эквивалент – Свит Экономи, Свит Коин.

Также интересны геймерские криптовалюты, которые можно зарабатывать, участвуя в играх или в развитии системы. Многие геймеры ищут способы монетизировать свое увлечение.

Энджи (Enjin Coin) работает с 2009 г. и объединяет более 20 млн игроков Minecraft, позволяя им создавать отдельные сообщества. Примечателен тот факт, что в сотрудничестве с БМВ за криптовалюту можно получить баллы лояльности и обменять их на оплату за топливо, парковку, дорожные сборы. В русском переводе данное понятие встречается крайне редко, чаще всего употребляется Enjin Coin (ENJ).

Сэнд (The Sandbox) появилась в 2018 г. Отличительной характеристикой данной криптовалюты является то, что ее принимают в качестве оплаты за доступ к платным играм, в качестве вознаграждения за игровые действия, а также как оплату услуг художников и дизайнеров.

Гала (Gala) существует с 2019 г. Заработать ее можно, проходя миссии и прокачивая персонажей в разных виртуальных вселенных.

Курс игровых валют низок, но их можно обменивать на другие, более известные и стабильные (чаще всего эфириум).

Завершить анализ хотелось бы характеристикой Тонкоина (Toncoin, TON – The Open Network), поскольку эта криптовалюта связана со всем нам известным Телеграммом. Ее спроектировали в 2018 году браться Дуровы, Павел и Николай, для мессенджера, а потом выделили в отдельный проект. Сейчас есть возможность использовать эту криптовалюту для быстрых трансакций для оплаты товаров на своих маркетплейсах, для покупки доменных имен и т.п.

Делая вывод, хотелось бы отметить тот факт, что криптовалюта, будучи разработанной в англоязычных странах, чаще всего не получает точного русского эквивалента при переводе, именно поэтому разумным будет предположить появление огромного числа неологизмов-заимствований в узкой сфере.

В 2018 г. представители Института русского языка им. В.В.Виноградова заявили о возможности включения слова «биткоин» в русский орфографический словарь – возможно, это произошло после того, как в 2017 г. Экспертный совет при Центре творческого развития русского языка в числе главных отечественных слов 2017 г. назвал «биткоин» (2 место) и «криптовалюта» (7 место). Как правило, до внесения слова в Толковый словарь проходит некоторое количество лет, поскольку составители словарей ориентируются не только на упоминание слова, но и на круг его значений и контекст употребления.

В англоязычных словарях вышеупомянутые термины существуют с 2013 г. (Оксфордский словарь, слова «биткоин», «майнер», «блокчейн») и с 2016 г. (словарь Merriam-Webster, слова «криптовалюта», «блокчейн», «биткоин»).

В условиях отсутствия точного устоявшегося эквивалента в русском языке именно транскрибирование помогает сохранить оригинальное произношение и смысл слова. При описательном переводе может измениться контекст или значение слова, что исказит смысл, заложенный в новый термин. К тому же использование транскрипции упрощает понимание между носителями разных языков, что особенно важно в свете использования криптовалют в Интернете, когда пользователи порой не представляют, с представителем какой страны они вступают в диалог по поводу покупки или продажи криптовалюты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Д.Д. Виртуальные валюты: сущность и борьба с их использованием в преступных целях (на примере США) /"Международное уголовное право и международная юстиция", 2015, N 6
2. Винья Пол, Кейси Майкл Дж. Эпоха криптовалют: как биткойн и цифровые деньги бросают вызов мировому экономическому порядку/ Москва: Манн, Иванов и Фербер – М., 2017
3. Генкин Артем, Михеев Алексей Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра/ Альпина Диджитал – М., 2018.
4. Мороз Дмитрий Криптовалюты. Начинаем и выигрываем/SelfPub, 2021
5. Накамото Сатоши Биткоин: система цифровой пиринговой наличности [Электронный ресурс] // URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf
6. Что такое криптовалюта простыми словами: виды, плюсы и минусы криптовалют [Электронный ресурс] // URL: http://kakzarabativat.ru/finansy/chto-takoe-kriptovalyuta/;
7. Ampel Benjamin Martin: The Effect of Consensus Algorithm on Ethereum Price and Volume, The University of Arizona Conference: Americas' Conference on Information Systems (AMCIS), Panama City, Panama, 2023
8. Ashford Kate, Curry : What Is Cryptocurrency?\\ What Is Cryptocurrency? – Forbes Advisor [Электронный ресурс] // URL: What Is Cryptocurrency? – Forbes Advisor
9. Federal Trade Commission: What To Know About Cryptocurrency and Scams, [Электронный ресурс] // URL: What To Know About Cryptocurrency and Scams | Consumer Advice (ftc.gov)
10. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. [Электронный ресурс] // URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf
11. Siripurapu Anshu, Berman Noah: Cryptocurrencies, Digital Dollars, and the Future of Money, [Электронный ресурс] // URL: Cryptocurrencies, Digital Dollars, and the Future of Money | Council on Foreign Relations (cfr.org)

УДК 378

ЗНАЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОГРАММИСТА

Лихачева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Академия ИМСИТ,
г. Краснодар, Россия
E-mail: olga-lihacheva@rambler.ru
РИНЦ SPIN – код: 2072-7834
ORCID 0000-0002-4129-243 X

Тымчук Елена Викторовна
Доктор филологических наук, профессор
КубГТУ,
г. Краснодар, Россия
РИНЦ SPIN – код: 5224-8676
ORCID 0000-0002-9015-135 X

Дерновой Даниил Дмитриевич
Магистрант,
Академия ИМСИТ
г. Краснодар, Россия
E-mail: dern-daniil@rambler.ru

Современное общество характеризуется высокой степенью информатизации. В условиях быстрого темпа жизни и глобализации жизненно важными становятся навыки поиска и оценки информации, а также умение ориентироваться в многочисленных информационных источниках.

Развитие информационных и компьютерных технологий, а также глобальная сеть Интернет оказали существенное влияние на формирование универсального языка, способствующего международному общению для тех, кому он не является родным. В контексте значимости этой темы стоит отметить, что на сегодняшний день таким языком стал английский.

Возвышение английского языка до уровня международного общения обусловлено рядом исторических причин: развитие торговых и экономических связей, доминирование США в глобальной экономике и политике. Интерес к английскому языку растет, как к средству коммуникации между культурами. Увеличивается доступность посещения англоязычных стран, а молодежь активно интересуется англоязычной поп-культурой (музыка, кино). Стремление к международному общению через цифровые технологии повышает необходимость знания английского.

Актуальность работы обусловлена значимостью английского языка в профессии программиста и необходимостью его качественного освоения обучающимися указанного направления в современных реалиях.

Предметом исследования является английский язык как инструмент развития современного программиста.

Объектом исследования выступают техники освоения английского языка в современном вузе.

Новизна работы заключается в разработке ряда рекомендаций для эффективного изучения и освоения английского языка будущими программистами.

Практическая значимость заключается в использовании предложенных рекомендаций в иноязычном образовательном процессе.

Ключевые слова: интернет, программирование, английский язык, коммуникация, развитие, иноязычная коммуникативная компетенция.

THE MEANING OF THE ENGLISH LANGUAGE IN A MODERN PROGRAMMER'S PROFESSION

Likhacheva Olga Nikolaevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
IMSIT Academy,
Krasnodar, Russia
E-mail: olga-lihacheva@rambler.ru
RSCI SPIN code: 2072-7834
ORCID 0000-0002-4129-243 X

Tymchuk Elena Viktorovna,
Doctor of Philology, Professor
KubSTU,
Krasnodar, Russia
RSCI SPIN code: 5224-8676
ORCHID 0000-0002-9015-135 X

Dernovoy Daniil Dmitrievich,
Master's student
IMSIT Academy,
Krasnodar, Russia
E-mail: dern-daniil@rambler.ru

Modern society is characterized by a high degree of informatization. In the context of the fast pace of life and globalization, the skills of searching and evaluating information, as well as the ability to navigate in numerous information sources, are becoming vital.

The development of information and computer technologies, as well as the global Internet, have had a significant impact on the formation of a universal language that facilitates international communication for those to whom it is not native. In the context of the importance of this topic, it is worth noting that today English has become such a language.

The rise of English to the level of international communication is due to a number of historical reasons: the development of trade and economic ties, the dominance of the United States in the global economy and politics. Interest in English is growing as a means of communication between cultures. The availability of visiting English-speaking countries is increasing, and young people are actively interested in English-language pop culture (music, cinema). The desire for international communication through digital technologies increases the need for knowledge of English.

The relevance of the work is due to the importance of the English language in the profession of a programmer and the need for its high-quality mastery by students of this direction in modern realities.

The subject of the research is the English language as a tool for the development of a modern programmer.

The object of the research is the techniques for mastering the English language in a modern university.

The novelty of the work lies in the development of a number of recommendations for the effective study and mastering of the English language by future programmers.

The practical significance lies in the use of the proposed recommendations in the foreign language educational process.

Keywords: Internet, programming, English language, communication, development, foreign language communicative competence.

*****

Сложно представить сферу производства, науки, культуры, спорта или экономики, где бы не применялись компьютеры. Компьютеры упрощают работу, обучение, развлечения и научные исследования, а все, что отображается на экране – результат труда программистов. Качество интерфейса, возможность работы с интернетом – это итог многолетней эволюции профессии программиста. Поэтому каждый специалист, стремящийся оставаться востребованным, обязан владеть английским, что также актуально и для других профессионалов.

Цель работы – выявить взаимосвязь английского языка и программирования.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть понятия "программирование" и "язык программирования"; определить причины важности английского для программистов; на основе исследования проанализировать роль английского языка в программировании.

Методы исследования включают реферирование, сопоставление, анализ и синтез.

Программирование – это процесс создания компьютерных программ [1]. Оно базируется на языках программирования, на которых записываются исходные тексты. Основная работа программиста заключается в написании кода на одном из таких языков.

Разные языки программирования поддерживают различные стили (парадигмы). Искусство программирования во многом заключается в выборе языка, наиболее подходящего для конкретной задачи. Одни языки требуют внимания к деталям, другие обеспечивают баланс между простотой и производительностью [2].

Язык программирования – это формальный язык, с помощью которого создаются программы. Он устанавливает лексические, синтаксические и семантические правила, определяющие структуру программы и её поведение.

С начала разработки программируемых машин человечество создало тысячи языков программирования, и их число продолжает расти. Некоторые языки остаются нишевыми, другие становятся популярными [3]. Опытные программисты могут владеть десятком языков.

Язык программирования предназначен для написания кода, который управляет процессами и объектами, что отличает его от естественных языков, используемых для общения. Большинство языков программирования позволяют определять структуры данных и управлять вычислительным процессом.

Современное развитие программирования сосредоточено на повышении безопасности, модульной организации кода и интеграции с базами данных. Международные стандарты и формальные спецификации разрабатываются и обновляются для многих популярных языков [4].

Некоторые ранние языки, такие как Фортран, имели ограниченный набор символов. Например, язык APL известен использованием множества специальных символов. Набор символов вне ASCII, таких как Unicode, используется в текстах и комментариях, но редко в идентификаторах.

Большинство языков программирования связаны с английским, и даже документация на них обычно пишется на этом языке. Это обусловлено универсальностью и краткостью английского, что упрощает запоминание названий методов и функций.

Английский стал основным языком для команд компьютеру. На некоторых языках, например Ruby, можно использовать русскоязычные переменные и методы, но это создаёт сложности при смешении двух языков и поиске информации в интернете [5].

Пример использования русского в программировании: ruby, def войти (электронная_почта, пароль), пользователь = Пользователь.find(email:

электронная_почта), raise 'Пароль неверный' unlessверные_данные_для_вход? (пользователь, пароль), crypt. encrypt_and_sign (Сессия.create(user: пользователь).id), end.

Таким образом, использование русского языка усложняет процесс программирования и поиска информации.

Программист, стремящийся развиваться и поддерживать актуальные навыки, должен владеть английским языком. Однако многие начинающие игнорируют этот факт, полагаясь только на русскоязычные ресурсы, что ограничивает их рост. Развитие требует обмена опытом с коллегами по всему миру [6].

Причины, по которым разработчикам важно знать английский, следующие. Во-первых, это среда разработки. Программные интерфейсы и документация на английском способствуют быстрому запоминанию терминов. Во-вторых, это техническая документация. Почти вся техническая документация на английском. Программист должен уметь понимать написанное. В-третьих, это поиск решений. Формулировка запросов на русском ограничивает доступ к знаниям. На английском доступна информация от профессионалов со всего мира. В-четвертых, это профессиональная литература. Большая часть профессиональной литературы и статей создаётся на английском. Новейшие издания не переводятся зачастую. В-пятых, это конференции и вебинары. Английский язык служит средством общения на международных конференциях. В-шестых, это международный рынок труда. Владение английским даёт возможность работать в любой стране мира [7].

Изучение английского для программистов подразумевает знание профессиональных терминов и основ грамматики. Полное владение языком возможно через регулярное практическое применение и обучение.

IT-специалисты по всему миру работают в динамично развивающейся сфере. Английский позволяет обмениваться опытом с коллегами из разных стран, что помогает оставаться актуальным.

В соответствии с поставленной целью, автор выявил связь английского языка с программированием и установил, что, во-первых, с лексической точки зрения, английский язык значительно лучше подходит для программирования, чем русский [8]. Код на английском языке является более читабельным благодаря отсутствию изменений окончаний слов, что позволяет читать его почти как текст на английском. Во-вторых, программировать следует на языке, который знают как можно большее количество людей.

Английский язык считается международным и является стандартом в IT-индустрии. При написании кода на английском языке, согласно правилам хорошего тона в программировании, комментарии к коду также рекомендуется оставлять на английском. Кроме того, основная часть технической литературы и документации изначально создается на английском языке. Если разработчик работает в международной компании, то деловая переписка, технические задания и общение с заказчиком также будут на английском языке [9].

Профессия программиста неразрывно связана со знанием языков – как языков программирования, так и английского языка. Это объясняется тем, что многие инновационные решения, разработки и достижения приходят из стран Европы и Америки.

Таким образом, мы приходим к выводу, что знание английского языка для программиста необходимо по следующим причинам. Во-первых, высокий уровень владения английским языком часто открывает новые карьерные возможности, позволяет работать за границей, получать более высокую зарплату и лучшие условия труда.

Во-вторых, значительная часть актуальных профессиональных ресурсов и литературы написана на английском языке и может быть недоступна в переводе, а переведенные материалы часто быстро устаревают.

В-третьих, английский язык упрощает взаимодействие с международными клиентами и заказчиками, сокращая время на коммуникацию и ускоряя процесс работы.

В-четвертых, саморазвитие, которое предусматривает, что многие профессионалы стремятся развиваться не только в основной сфере деятельности, но и в личностном плане [10].

В-пятых, качественный развлекательный контент также часто представлен на английском языке.

В-шестых, знание английского облегчает путешествия и отдых, делая возможными выгодные покупки на англоязычных сайтах и упрощая общение в международной среде.

Распространение интернета повлекло за собой развитие IT-технологий, и английский язык стал основой для языков программирования, с которым связаны все основные команды [11].

Следовательно, английский язык играет важнейшую роль в программировании и IT-индустрии в целом, которая развивается быстрыми темпами. Хорошее владение английским языком открывает доступ к многочисленным конференциям и семинарам по всему миру, а также дает возможность участвовать в разработке различных проектов, приобретая полезный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.И., Архиповская Е.П. Значение компетенций и компетентности: их цель и преемственность в современном образовательном измерении. Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 3. С. 15-18

2. Петьков В.А., Торчинская Н.М. Психогимнастика на уроках иностранного языка: путь к успешному обучению. Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 3. С. 39-42

3. Иванова Н.В. Воспитательные задачи и проблемы в образовательном процессе в техникуме. Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 3. С. 95-98

4. Мякишева Т.В. Специфика организации образовательного процесса в современном высшем образовании. Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 1. С. 78-82

5. Тарасова А.В. Проектная деятельность как инструмент совершенствования навыков научно-исследовательской деятельности студентов в вузе. Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 1. С. 89-94

6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995// Школа "Языки русской культуры". Москва, 17 ЛР № 071105 от 02.12.==94 URL: https://djvu.online/file/01i7m2QPeXkug

7. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования лексических единиц. 2019// Издательство ЛКИ ISBN: 978-5-397-06687-7

8. Ильина, В. Ф. О синонимических рядах в речи // Филологические записки. – 2010. – № 2. – С. 26-28

9. Которова Е.Г. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. 1998// Peter Lang ISBN: 3-631-32850-8

10. Лихачева О.Н., Рубан Д.А., Комерзан А.Н., Черкесов Т.А. Самостоятельная работа студентов технических вузов как один из факторов успешного овладения иноязычной коммуникативной компетенцией. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 133. С. 1209-1219

11. Лихачева О.Н., Шилович О.Б., Королева Ю.В. Влияние личности преподавателя на формирование студенческой мотивации в современном техническом вузе. ЦИТИСЭ. 2019. № 3 (20). С.37

УДК 81

ГИПЕРТЕКСТОВАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Таукова Индира Айдиновна
Преподаватель русского языка и литературы; аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова
Педагогический колледж института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация.
E-mail: i.aidinovna@gmail.com

Гипертекст представляет собой сложную систему организации информации, где традиционное последовательное чтение заменяется интерактивным взаимодействием с контентом. В его основе лежит компьютерно-опосредованная среда, позволяющая читателю самостоятельно выбирать путь навигации через связанные между собой текстовые блоки – гипотексты. Уникальность такой формы коммуникации заключается в её многомерной структуре, где фрагменты контента соединены ассоциативными связями и выстроены в иерархическом порядке. Это позволяет создавать множество альтернативных сюжетных линий и тематических направлений, давая пользователю свободу в выборе последовательности ознакомления с материалом. Гипертекст – это форма представления текста, технология, которая позволяет осваивать большие объёмы информации и способ коммуникации в обществе. Произведен обзор литературы, даны авторские выводы по теме.

Ключевые слова: гипертекст, коммуникация, наука, дискурс, читатель, цифровизация, информация, технология, лингвистика, гипертекстуальность.

HYPERTEXT HETEROGENEITY OF WRITTEN SCIENTIFIC DISCOURSE

Taukova Indira Aidinovna
Teacher of Russian language and literature; postgraduate student of the Department of Russian language and general linguistics of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M.Berbekov
Pedagogical College of the Institute of Pedagogy, Psychology and Physical Culture and Sports Education of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M.Berbekov
Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation.
E-mail: i.aidinovna@gmail.com

Hypertext is a complex information organization system where traditional sequential reading is replaced by interactive interaction with content. It is based on a computer-mediated environment that allows the reader to independently choose the path of navigation through interconnected text blocks – hypotheticals. The uniqueness of this form of communication lies in its multidimensional structure, where fragments of content are connected by associative links and arranged in a hierarchical order. This allows you to create a variety of alternative storylines and thematic directions, giving the user the freedom to choose the sequence of familiarization with the material. Hypertext is a form of text representation, a technology that allows you to master large amounts of

information and a way of communication in society. The literature is reviewed, the author's conclusions on the topic are given.

Keywords: hypertext, communication, science, discourse, reader, digitalization, information, technology, linguistics, hypertextuality

*****

В данной работе рассматривается гипертекст как характерная особенность научного дискурса. Дается определение гипертекста, анализируются существующие направления исследований в этой области и описываются его структурные особенности.

Следует отметить, что в данном исследовании предметом научного интереса является письменный научный дискурс.

В ходе исследования были задействованы следующие методы, характерные для области таких наук как филология и лингвистика: наблюдение, анализ, классический метод, контекстуальный анализ и дискурсивный анализ.

Стремление к глубокому и всестороннему анализу конечного продукта дискурса – текста и его составляющих – можно считать характерным для современной лингвистической науки. Сама филология, как область гуманитарных наук, исследующая культуру народа, запечатлённую в языке и литературном творчестве, сформировалась в результате анализа текстов и изначально представляла собой единое направление знаний о текстах.

В настоящее время не существует унифицированного определения дискурса, равно как и единого подхода к его исследованию.

Термин «дискурс» получил широкое распространение благодаря французским философам-деконструктивистам, таким как Мишель Фуко и Жак Деррида.

Возникновение научного дискурса связано с первыми научными исследованиями и необходимостью передачи знаний от одного поколения к другому. Его истоки восходят к древним временам, когда начали формироваться основы письменности. Научный дискурс представляет собой форму выражения научной информации, используемую в специализированной области. Этот вид дискурса включает в себя концепции, связанные с теориями, экспериментами и исследованиями, которые имеют признание, подтверждение и надёжность.

Научный текст представляет собой микротекст в макротексте научного общения, и его структура и содержание определяются взаимодействием с другими научными текстами. В научной литературе интертекстуальные связи и интердискурсивные взаимодействия играют ключевую роль, и арсенал средств интертекстуального выражения в ней отличается обязательной маркированностью и меньшим разнообразием по сравнению с художественной литературой.

Создание и восприятие научного текста – это эстетическая и национально-культурная деятельность, требующая знания культуры народа, представителем которого является автор текста. Это знание влияет на уровень восприятия и понимания текста читателем.

Научный дискурс представляет собой процесс выражения нового знания в целом тексте и его обоснования посредством взаимосвязанных рассуждений. Это диалог между старым и новым знанием, в ходе которого происходит постепенное формирование нового концептуального научного знания.

Специфический характер научного дискурса предполагает рассмотрение научного стиля как особого регистра общения. Научный стиль характеризуется стремлением к однородности стилистической окраски, которая выражается в использовании книжных слов, морфологических форм и синтаксических конструкций. Однако в научных текстах могут встречаться и элементы, принадлежащие к другим стилистическим пластам. Для научного стиля характерно использование функционально-речевых средств, таких как слова и грамматические

формы, которые выражают обобщённость и отвлечённость. Дискурс представляет собой связный текст, рассматриваемый в совокупности с экстралингвистическими факторами, такими как прагматические, социокультурные и психологические аспекты. Текст рассматривается в событийном аспекте, объём научного произведения, как правило, регламентирован.

Научный дискурс гипертекст объединяет то, что научным текстам всегда была характерна гипертекстуальность.

В своих работах проблему гипертекста исследовали и описывали не только отечественные, но и зарубежные учёные. Среди них можно выделить О. В. Барста, М. Визеля, Е. И. Горошко, К. В. Давыдову, О. В. Дедову, А. А. Залевскую, Е. В. Зыкову, И. А. Ильину, А. А. Калмыкова, Е. С. Клочкову, Е. В. Котельникову, Н. Ф. Буторину (Ковалёву), О. А. Левоненко, С. В. Лесникова, А. В. Лория, М. В. Минееву, М. В. Масалову, А. С. Махова, Ж. А. Никифорову, С. С. Панфилову, Р. К. Потапову, Т. И. Рязанцеву, П. И. Сергиенко, И. С. Соколову, С. А. Стройкова, В. Н. Сурину, А. М. Тупикову, Ю. Хартунга и Е. Брейдо, Е. Унгуряну, Е. А. Чувильскую, Н. А. Шехтман, В. А. Шульгинова, В. Л. Эпштейна и других.

Как известно, понятие «гипертекст» было предложено Вэнниваром Бушем в 1945 году в его работе «Как мы можем мыслить?». А сам термин «гипертекст» был введён Теодором Нельсоном двадцать лет спустя.

О. Баранов внес значительный вклад в исследование гипертекста. Он полагает, что литературная составляющая является наиболее прогрессивной в проявлении гипертекстовой субкультуры, хотя гипертексты используются не только в гуманитарных науках. Они присутствуют практически в любом собрании сочинений.

Ю. Хартунг, продолжая работать над проблемой гипертекста, составил свою типологию данного феномена. По мнению Ю.Хартунга различают гипертексты: референциальные, организационные, словарного типа, карты, гипертексты типа примечания, гипертексты кольцеобразной структуры.

Суть гипертекста заключается в том, что в основном тексте присутствуют ссылки, которые перенаправляют внимание читателя к сноскам, переводам, комментариям, вариантам, биографическим справкам, письмам и другим материалам.

Благодаря этим ссылкам читатель может выбрать, как ему читать: он может сосредоточиться только на основном тексте, не обращаясь к комментариям, или же он может постоянно просматривать последние страницы книги в поисках пояснений.

Также читатель может заинтересоваться проблемой, которая может быть даже не связана напрямую с произведением.

Литературные гипертексты можно классифицировать по-разному, и пока нет единого подхода к их систематизации.

Существуют обычные линейные тексты, которые имеют внешние источники и ссылки и предназначены для удобного чтения с экрана компьютера и быстрого получения информации.

Также есть произведения, которые отличаются масштабностью и сильно разветвлёнными связями. Однако у них есть одна важная особенность: наличие основного текста.

Третья категория произведений требует от читателя активного участия в процессе чтения, делая его интерактивным.

Гипертекстуальность письменного научного дискурса может различаться:

По степени актуализации: от практически максимальной до «нулевой».

По характеру элементов текстуального образования: внутритекстовая и межтекстовая.

В научном сообществе выделяют следующие типы гипертекстов:

Учебник.

Справочник.

Научная статья.

Статья с аннотациями.

Словари: толковый словарь и словарь переводчика.

Документация.
Руководство пользователя.
Руководство администратора.
Энциклопедия.
Система таблиц.
База данных рисунков.
Пространственные карты.
Абстрактная модель.
Каталог.
Хронология.
Гипертекстовая база знаний.
Программа.

Возвращаясь же в эпоху существования информационного общества, мы понимаем, что активное развитие цифровых технологий привело к тому, что традиционные печатные издания уже не могут полностью удовлетворять потребности современного человека. Интернет-коммуникации захватывают все новые сферы жизни, привлекая растущее число пользователей в виртуальное пространство. Это явление вызывает повышенный интерес научного сообщества – многие специалисты изучают, как электронные средства связи и компьютерные технологии трансформируют культурные и языковые аспекты межличностного общения. Феномен гипертекста (далее ГТ), ставший неотъемлемой частью современной культуры и литературы, наглядно демонстрирует глубину проникновения мультимедийных технологий в повседневную жизнь.

В современном мире наблюдается необходимость глубокого изучения специфики гипертекстовой коммуникации (далее ГК) в цифровой среде. Компьютерно-опосредованное общение, характеризующееся нестандартной организацией чтения и написания текста, формирует новый тип письменного взаимодействия – ГТ. Его уникальная структура и особенности функционирования в сетевом пространстве привлекают пристальное внимание языковедов, которые исследуют как вербальные, так и околовербальные аспекты этого явления. Экспоненциальный рост значимости интернет-коммуникации в жизни общества делает такие исследования особенно актуальными для современной лингвистической науки [1, С. 130].

ГТ представляет собой особую систему данных, где происходит автоматическое управление взаимосвязями между различными компонентами. Информационная структура такого типа характеризуется наличием автоматизированных связей семантического и ассоциативного характера, соединяющих между собой ключевые термины, фрагменты и концептуальные элементы. Согласно информационно-технологическому словарю, это специфическая форма организации контента, где все структурные единицы находятся в активном взаимодействии благодаря встроенной системе перекрестных ссылок [1, С. 165].

Авторы отмечают, что гипертекстовая разнородность письменного научного дискурса проявляется в следующих аспектах:

Полиструктурность ГТ. В нём могут сочетаться разные виды презентации информации (графические, визуальные, аудиальные и иные).

Отсутствие чётко заданных границ и заданного центра. Это создаёт возможность для читателя самому расширять смысловые горизонты.

Диалогическая связь с другими текстами. Научный текст может содержать напоминание читателю о высказанном ранее по общей тематике в таких формах, как цитирование и переложение своими словами выдвинутых ранее научных положений.

Обращённость к нескольким собеседникам. Автор научного труда рассчитывает на восприятие своего текста не одним, а сразу многими читателями. К ним относятся учёные, работающие в той же или близкой области [3].

Существуют различные виды ГТ, которые можно классифицировать по их организации и сложности. Среди них особенно выделяются сетевые ГТ, отличающиеся разнообразием взаимосвязей между элементами. В противоположность им находятся иерархические ГТ, построенные по древовидному принципу. Их особенность заключается в более ограниченных возможностях навигации, так как они основаны на связях типа "род-вид". В системе навигации документов существуют различные типы структурирования информации. Динамические и статические варианты представляют собой два основных способа организации гипертекстового пространства и ГК. Динамические форматы обладают гибкостью и возможностью модификации, в то время как статические остаются неизменными при использовании. Наиболее базовой формой можно считать классическое оглавление – это элементарный пример гипертекстовой организации, позволяющий избирательно знакомиться с материалом. В противовес этому, комплексные гипертекстовые структуры характеризуются множественными взаимосвязями между элементами, что делает невозможным выделение главного и второстепенного текста [4].

Такое разнообразие в организации и возможностях трансформации позволяет создавать гибкие информационные системы, отвечающие различным потребностям пользователей. Существуют две основные разновидности гипертекстовых структур: с четко заданной организацией и с гибкой архитектурой. При жесткой структуризации авторы заранее определяют неизменную схему связей. В случае мягкой организации взаимосвязи формируются автоматически на базе смысловых соответствий между элементами, часто используя систему тегов и ключевых слов [4].

Когда возникла потребность интегрировать в ГТ различные форматы данных (аудио, визуальный контент, текстовые материалы), были разработаны специальные мультимедийные платформы для отображения такого комплексного контента. Этот формат, известный как гипермедиа, получил широкое распространение. В современной лингвистике выделяются два эффективных метода исследования ГТ как инновационной формы текстовой организации, требующей детального анализа. Первое направление исследует проявления гипертекстуальности в традиционных линейных форматах, таких как справочная литература, рекламные тексты и художественные произведения. Второй подход фокусируется на иных аспектах. ГТ активно применяется в образовательной сфере для создания учебных материалов, где требуется систематизировать и представить разнородную информацию в удобном для восприятия формате. Такая организация контента позволяет эффективно объединять различные информационные блоки, делая их презентацию максимально доступной для конечного пользователя. Фундаментальные характеристики ГТ, радикально отличающие его от традиционных линейных форм, являются ключевым фокусом данного исследовательского направления. В центре внимания находится анализ уникальных структурных особенностей, присущих исключительно гипертекстовым форматам [4].

Таким образом, гипертекстовая разнородность письменного научного дискурса может определять следующие его особенности и характеризуется рядом уникальных свойств.

Благодаря отсутствию жёстких рамок и единого смыслового центра, читающий получает свободу в расширении смысловых границ и формировании собственного понимания материала. Это создаёт пространство для множественности трактовок и интерпретаций.

Каждое научное исследование существует не изолированно, а как элемент обширной научной системы, где оно связано с предшествующими и последующими работами. Такая взаимосвязь превращает отдельный текст в часть глобального научного полотна.

Особая роль отводится читателю, который не просто пассивно воспринимает информацию, а активно взаимодействует с текстом. Выстраивая собственный маршрут через информационное пространство, он вступает в своеобразный

диалог с материалом, что делает процесс чтения более увлекательным и продуктивным [5].

Специфические коды письменного текста формируются через гипертекстовую организацию, где визуальные элементы сливаются с текстовыми компонентами. Читатель воспринимает ГК благодаря применению определенных формальных инструментов, которые наглядно демонстрируют взаимосвязи между различными текстовыми фрагментами. Разнообразие шрифтов, графические символы и специальные иконические обозначения создают комплексную систему, обогащающую смысловое наполнение материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соболева, О. В. Гипертекст как способ организации художественной литературы в интернет-пространстве / О. В. Соболева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1(292). – С. 130-133.

2. Crystal, D. Language and the Internet. 2nd ed. Cambridge, 2006. – 304 p.

3. Алексеева М.В. Типологические особенности научного текста: гипертекстовая типология языка науки: моногр. / М.В. Алексеева. – М. : Изд. Дом МИСиС, 2015. – 100 с.

4. Феномен гипертекста в лингвистике // Образовательный портал «Справочник». – Дата последнего обновления статьи: 20.07.2024. – URL https://spravochnick.ru/russkiy_yazyk/fenomen_giperteksta_v_lingvistike/ (дата обращения: 30.11.2024).

5. Медведев, Н. В. Философский дискурс: от текста к гипертексту / Н. В. Медведев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 8(430). – С. 92-97. – DOI 10.24411/1994-2796-2019-10815.

6. Баранов О. Гипертекстовая субкультура / Знамя, № 7. 1997,. – С. 202-205.

7. Букатникова С. Д. Понимание текста как проблема современной лингвистики и гуманитарного познания / Молодой ученый. – 2015. – №6. – С. 799-803.

8. Визель М. Гипертексты по ту и эту сторону экрана/ Ин. лит., 1999, № 10.- С. 170-174. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования/ М.: Наука, 1981.-139с.

9. Дедова О.В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестн. МГУ. Сер.9 Филология, 2001, №4.-С. 22-35.

10. Залевская А.А. Текст и его понимание. / Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. С.177 .

11. Лазарева А.В. Гипертекстовые связи в различных функциональных стилях// Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. трудов. – №35(50) / отв. ред. Г.И. Гладков. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. – С. 85-97

12. Лутовинова О. В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 1. – С. 4-7.

13. Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: дис. кандидат филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. Ульяновск. 2003. С.123.

14. Новиков А.И. Текст, его содержание и смысл / Текст: структура и функционирование. Барнаул. 1997. Вып. 2. С. 108-113.

15. Прохоров Е. И. Текстология: (принципы издания классической литературы): учеб. пособ. / Москва: Высшая школа, 1966. – С.226.

16. Рейсер С. А. Основы текстологии: учеб. пособ. для студ. пединститутов/Ленинград: Просвещение, 1978. – С.176.

17. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени / Москва : Просвещение, 1970. – С.336.

18. Реферовская. Е. А. Лингвистические исследования структуры текста/ Наука : Ленингр. отд-ние, 1983. – С.215.

19. Рязанцева Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом/ М., 2008. С. 34.

20. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака. Санкт –Петербург. 1995. С.193.

21. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко ; пер. с фр. и ред. А. Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 1998. – С.236.

22. Хартунг Ю., Бревдо Е. Гипертекст как объект лингвистического анализа/ Вестн. МГУ. Сер 9.Филология, 1996, №3. С.61-77.

23. Шехтман Н.А. Социо-культурные компоненты гипертекста / НТИ. Сер.1. Организация и методика информационной работы, 2002, №2. С.32-34.

24. Шехтман Н.А., Шехтман Э.Н. Проблема представления знаний и гипертекст/ НТИ. Сер. 1. Организация и методика информационной работы, 2000, №3. С. 3-9.

25. Шехтман Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст./ Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – С.167.

УДК 81.002.82

ON CERTAIN PECULIARITIES OF THE NOTION OF SPEECH ETIQUETTE IN LINGUISTICS

Usmonova Muhaiyo Nosirovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages,
SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov"
Tajikistan Republic, Khujand
E-mail: usmonova1901@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-9453-3830

The article deals with the characteristics of speech etiquette means which are seen as language means helping to observe the rules of speech etiquette. The work presents the opinions of famous linguists and defines the term "speech etiquette". Speech etiquette is associated with the concept of etiquette (from the French "Ettiquee" – label, tag) – a set of rules of behavior concerning the external manifestation of attitudes towards people (treatment of others, forms of address and greetings, behavior in public places, manners and clothing). Nowadays, speech etiquette receives more and more frequent spread in certain circles, which reflects the experience, moral concepts, as well as the tastes of certain social groups. Ignorance of speech etiquette can lead to public criticism, or even lead to conflict. To avoid this, you must own norms of speech etiquette. On the basis of content analysis, as well as structural-frequency analysis, the definition of the concept of "speech etiquette" is clarified, its main semantic components are identified.

Keywords: speech etiquette, speech behavior, concept, phenomena, levels, norms, communication, functioning.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНЯТИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЛИНГВИСТИКЕ

Усмонова Мухайё Носировна
к.ф.н., доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова"
Республика Таджикистан, г. Худжанд
E-mail: usmonova1901@mail.ru
ORCID: 0009-0001-9453-3830

Статья посвящается исследованию характеристик средств речевого этикета, под которыми здесь понимаются средства языка, способствующие соблюдению языковых норм. В работе приводятся мнение известных лингвистов и даётся определение термину «речевой этикет». Речевой этикет связан с понятием этикет (от фр. "Ettiquee" – ярлык, этикетка) – совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда). Также в статье рассматриваются проблемы, возникающие при незнании норм речевого этикета. Незнание речевого этикета может привлеч за собой общественное порицание или даже привести к конфликту. Для того, чтобы избежать этого, необходимо владеть и нормами речевого этикета. На основе контент-анализа, а также структурно-частотного анализа уточнено определение понятия «речевой этикет», выявлены его основные семантические компоненты.

Ключевые слова: речевой этикет, речевое поведение, понятие, явления, уровни, нормы, общение, функционирование.

*****

In the contemporary world, interactions between professionals from diverse countries are becoming increasingly frequent, necessitating the utilization, to varying degrees, of the language spoken in the host country. When employing a language, it is imperative to consider the norms of speech behavior, which are intertwined with the unwritten rules established within each society and dictate the contextually appropriate application of linguistic units. These norms are closely linked to speech etiquette, which encompasses nationally specific and socially ingrained stereotypes of communication. These stereotypes guide the selection of suitable forms of address (formal or informal), as well as appropriate expressions for greetings, farewells, apologies, gratitude, congratulations, and well-wishes. They also encompass various manifestations of politeness and goodwill towards the interlocutor. Choosing the most fitting stereotype depends on the social status and role of the speaker and their conversational partner, the utilization of the corresponding language register for formal or informal communication, the personal relationship between the communicants, and other pertinent factors [1, P.178].

The Pervasive Role of Speech Etiquette in Communication

Speech etiquette manifests itself in both spoken interactions and written texts throughout the entire course of communication, but it assumes particular importance during the establishment and maintenance of contact with an interlocutor. It is especially relevant in the most common everyday situations and in the initial stages of communication. Indeed, before initiating a conversation, it is crucial to address the conversational partner, offer greetings, and, at the appropriate juncture, express gratitude or apologies. This fundamental knowledge of a foreign language is what individuals intending to interact with foreign colleagues strive to acquire first and foremost.

Main Findings and Discussion

The growing interest in speech etiquette stems from the increased attention given to the study of communication, which has gained prominence due to advancements in theoretical linguistics and related disciplines, as well as the practical needs of foreign language instruction. Currently, linguistics actively explores various aspects, including utterances and texts, the peculiarities of speech production and its function in diverse spheres of public life, the interplay between language and society, situational language use and norms, and the correlation between verbal and nonverbal means of communication. Emerging interdisciplinary fields such as psycholinguistics, sociolinguistics, paralinguistics, ethnolinguistics, and linguistic cultural studies reflect a shared endeavor to comprehend the interrelationship between language and humans, and ultimately, the nature of human communication.

Within the context of these inquiries, it is pertinent to examine a distinct system of stable communication formulas, denoted by the term "speech etiquette." Speech etiquette is interconnected with the concept of etiquette (from the French "étiquette" – label, tag) – a set of behavioral norms concerning the outward manifestation of one's attitude towards others (interaction with those around us, forms of address and greetings, conduct in public spaces, manners, and attire). Etiquette, by definition, is anthropocentric and dialogic: it reflects that portion of the real world pertaining to individuals in their relations with other people (interaction with others) and with objects of etiquette significance (clothing, hairstyle, etc.) [2, P.178].

The Emergence of Speech Etiquette as a Concept

The term "speech etiquette" was introduced into the scientific linguistic discourse by V.G. Kostomarov in 1967 [3, P.75]. According to his definition, speech etiquette encompasses stereotyped linguistic units employed in etiquette-driven situations, which can vary across different stylistic registers. Among the studies addressing this subject, the works of N.I. Formanovskaya hold a prominent position. She provides the following definition: "Speech etiquette refers to the regulatory rules of speech behavior, a system of

nationally specific, stereotyped, stable formulas of communication, adopted and prescribed by society to establish contact between interlocutors, maintain and terminate contact in the chosen tone" [2, P.57].

Etiquette constitutes a complex system of signs that, during communication (both verbal and nonverbal), convey an individual's attitude towards another person – the interlocutor – simultaneously reflecting an assessment of both the interlocutor and the speaker's own position relative to them.

For instance, when one individual encounter another, they may tip their hat. It is evident that this gesture does not exist in isolation but holds significance solely within the context of interaction with another person, due to its assigned meaning of greeting. This sign communicates a respectful and benevolent attitude towards the person being greeted, on the one hand, and reveals something about the addressee themselves, on the other hand – for example, their older age, as such a greeting gesture is generally not characteristic of younger individuals. Etiquette signs convey information about members of society and one's place within various groups (pedestrians, passengers, students, relatives, friends, colleagues, etc.). The obligatory and ubiquitous observance of such signs is a prerequisite for successful communication.

The Scope of Speech Etiquette

Speech etiquette provides verbal expression for behavioral etiquette and encompasses both a broad domain of communication stereotypes employed in variable situations [4, P.25] and a narrower domain of stereotypes confined to forms of address and attention-getting, greetings, introductions, farewells, congratulations, well-wishes, gratitude, apologies, requests, invitations, advice, suggestions, consolation, sympathy, condolences, compliments, approval, and several others.

Thus, speech etiquette, narrowly defined, represents the set of communication rules specific to each nation, employed in situations where interlocutors initiate and maintain conversations, taking into account the communicative atmosphere, the social characteristics of the participants, and the nuances of their interpersonal relationships. Investigating the linguistic and speech components as crucial elements of the etymological and lexicographical essence of the concept "speech etiquette" necessitates an examination of the concept itself, as well as its content and structural-frequency analysis.

Definitions of the concept "speech etiquette" are, on the one hand, multifaceted, encompassing a range of specific functions of phatic communication [5, P.8], the categorization and typology of speech acts [6, P.10], and the integrative nature of essential characteristics extrapolated to specific concepts within various scientific domains (e.g., psychology, linguistics, philology, cultural studies, ethics, philosophy, anthropology, language studies, and many others) [7, P.12]. On the other hand, definitions of "speech etiquette" allow for the identification of several core meanings: from universal (or those given in a broad understanding of the concept), where speech etiquette is defined as a system of rules and norms of communication, to narrowly focused ones that emphasize specific patterns of speech specificity, conditioning the establishment of close (phatic, emotive, appellative, etc.) contact and interaction, based on communication in the profound sense of a communicative phenomenon corresponding to the situation, protocol, etc., i.e., specific conditions [6, P.12].

According to the results of content analysis, the following fundamental semantic components are revealed within the spectrum of definitions of "speech etiquette," including: a) a system of rules; b) speech behavior; c) norms of language use; d) communication formulas; e) functional-semantic microscheme of linguistic units [8, P.96].

Synthesizing a Comprehensive Definition of Speech Etiquette

Thus, the results of content analysis, as well as the structural-frequency analysis of the lexeme "speech etiquette," enable us to formulate the most concise definition of this concept, namely: speech etiquette (within the framework of any language and culture, including English, Tajik, and Russian) constitutes a system of rules and norms governing language use, encompassing its verbal resources, represented by a functional-semantic aggregate of linguistic units that determine the construction and utilization of speech

patterns and speech behavior in specific conditions and situations. These conditions and situations impose socio-status, national-ethnic, national-cultural, and thematically-related requirements for successful goal-oriented communication and speech behavior during real-time interaction [9, P.28].

Linguistic Levels of Speech Etiquette Implementation

Speech etiquette, in its entirety, can be realized across various linguistic levels, including:

– Lexical Level: This level encompasses the utilization of specialized vocabulary and expressions, including forms of address, such as: thank you, excuse me, goodbye, sir/madam, etc.

– Morphological Level: To express politeness, imperative verb forms can be employed within interrogative sentences. For instance: "Could you please give me your pen?" as opposed to "Give me your pen, please." Additionally, in address forms within the Russian language, the plural form can be substituted for the singular (the T-V distinction).

– Stylistic Level: This level involves the preference for refined language and cultural expressions in requests, along with the avoidance of vulgar or offensive language.

– Intonational Level: This manifests in the utilization of polite intonation patterns. For example, certain phrases can convey different meanings depending on the intonation employed. The same sentence can function as either a direct command or a courteous request.

– Level of Communication Organization: Within this level, interrupting interlocutors or intruding upon ongoing conversations is considered impolite.

The aforementioned characteristics are universal features of speech etiquette. Conversely, speech etiquette is also deeply embedded within each culture and language, resulting in variations across different contexts. For language learners, understanding the discrepancies between their native language and the target language is crucial [10, P.4].

Renowned researcher of speech etiquette, N. I. Formanovskaya, defines it as: "Speech etiquette refers to the regulatory rules of speech behavior, a system of nationally specific, stereotyped, stable formulas of communication, adopted and prescribed by society to establish contact between interlocutors, maintain and terminate contact in the chosen tone" [2, P.66]. Speech etiquette characterizes virtually all successful communicative acts and is therefore linked to what are known as conventions of verbal communication, which ensure and facilitate effective interaction among participants.

These postulates were formulated by linguist and philosopher H. P. Grice. They include the maxims of quality, implying that a message should not be false; quantity, signifying that a message should be neither too concise nor too verbose; relation, stipulating that a message should be relevant to the addressee; and manner, dictating that it should be clear, concise, and devoid of expressions incomprehensible to the addressee [7]. Violation of one or more of these maxims, to varying degrees, leads to communicative failure.

It is also worth noting that Grice does not include among the fundamental requirements such important maxims as, for example, the postulates of politeness (every message should be tactful, courteous, etc.) because the primary objective of a message is considered to be the efficient transmission of information. This text segment explores the dual nature of speech etiquette – its universal aspects that transcend cultural boundaries and its specific manifestations within individual cultures and languages. It highlights the importance of cultural awareness for language learners.

The text then introduces Formanovskaya's definition of speech etiquette, emphasizing its role in regulating communicative behavior and establishing and maintaining social interactions. It connects speech etiquette to broader communicative conventions that facilitate successful communication.

Finally, it delves into Grice's maxims, presenting them as fundamental principles governing effective communication. It explains how adherence to these maxims contributes to communicative success, while their violation can lead to misunderstandings or breakdowns in communication. Notably, the text points out Grice's deliberate exclusion

of politeness as a core maxim, prioritizing efficient information transfer over social considerations.

The Role of Speech Etiquette in Communication

The precepts of speech etiquette play a pivotal role in achieving successful communication, as they are crucial for messages that fulfill functions such as persuading listeners and establishing interpersonal rapport. In such contexts, the principles of politeness assume primacy, overshadowing other aspects, such as informational accuracy. It is recommended to avoid not only utterances that may offend or upset the addressee but also those that could evoke undesirable associations. Consequently, the requirements of relevance and truthfulness become less significant in this specific communicative context.

Speech Etiquette and Linguistic Pragmatics

Speech etiquette, broadly defined, intersects with the broader field of linguistic pragmatics. Therefore, the act of linguistic communication is analyzed from the perspective of achieving specific communicative goals by the participants. In other words, an utterance is not examined in isolation but within the context of these objectives. For instance, the question "Do you have the time?" implicitly conveys a request to be informed of the current time. Responding with "Yes, I do" without providing the actual time disregards the pragmatic context, thereby violating the norms of speech etiquette.

Situational and Cultural Variations in Speech Etiquette

The most prevalent situations in which etiquette-driven speech is employed include ceremonial, professional, and mourning contexts. Each situation necessitates adherence to a specific format in text construction. However, the domain of etiquette also encompasses culturally accepted methods of expressing particular emotions. For example, in some cultures, openly discussing personal hardships or problems is acceptable, whereas in others, it is discouraged. Similarly, some cultures encourage individuals to share their accomplishments, while others promote modesty. Specific rules of conversational etiquette also exist, dictating appropriate and inappropriate topics of discussion in various social settings.

If we consider speech etiquette in a narrow sense, it can be characterized as a system of linguistic means in which etiquette relations are manifested. The elements of this system are implemented at the following linguistic levels:

1) at the level of vocabulary and phraseology: special words and fixed expressions (thank you, please, excuse me, goodbye), as well as specialized forms of address (Mr., Comrade);

2) at the grammatical level: the use of the plural for polite address (including the pronoun You), the use of interrogative sentences instead of imperative ones ("Could you tell me what time it is?", "Could you move a little?", etc.);

3) at the stylistic level: the requirement of literate, cultured speech; refusal to use words that directly name indecent and shocking objects and phenomena, the use of euphemisms instead of these words;

4) at the intonation level: the use of polite intonation (for example, the phrase "Please close the door" can sound with different intonation depending on whether it implies a polite request or a rude demand);

5) at the level of orthoepy: the use of "Hello" instead of "Hi", "Please" instead of "Pls", etc.;

6) at the organizational and communicative level: the prohibition of interrupting the interlocutor, interfering in someone else's conversation, etc. [11, P.7]

B.Yu. Gorodetsky defines speech etiquette as a system of stable formulas of communication prescribed by society for establishing speech contact between interlocutors, maintaining communication in the chosen tone in accordance with their social roles and role positions relative to each other, mutual relations in formal and informal settings. The speech situation in which speech etiquette exists is a situation of direct communication between communicants, limited by the pragmatic coordinates "I – you – here – now", which organize the core of the field of linguistic units of speech etiquette [12, P.5].

Thus, recent decades have witnessed a shift in etiquette research towards investigating the linguistic (naive) worldview and its manifestation in specific linguistic phenomena, including lexemes, grammatical structures, word-formation processes, and syntactic constructions. This focus underscores the linguistic and culturally specific nature of etiquette.

Despite cultural variations, certain universal features characterize speech etiquette across all societies. These universal aspects primarily encompass the fundamental principles governing polite communication, which form the foundation of speech etiquette within specific cultural contexts. Following N.I. Formanovskaya's definition, speech etiquette can be understood as a set of socially prescribed and culturally specific rules that regulate speech behavior in various communicative situations, including the initiation, maintenance, and termination of interactions. These rules are contingent upon the status, roles, and personal relationships of the individuals involved, as well as the formality of the communication setting [1, P.177].

A significant degree of heterogeneity exists in greeting rituals across cultures. This variability stems from the impact of such rituals on communication outcomes, which can range from facilitating successful interaction to causing communicative breakdowns. Formanovskaya (1983) posits that "within communicative processes, forms of address constitute a high-frequency unit of communication, specifically within the domain of address, serving the critical function of initiating interpersonal contact" [13, P.83].

Speech etiquette encompasses specific linguistic constructions, including those utilized to convey requests. These constructions exert influence on the degree of politeness exhibited in communication and, consequently, serve to regulate the dynamics of interaction between interlocutors. The selection of address forms is contingent upon contextual factors, including the formality of the interaction, the neutrality of the environment, the intended level of politeness, and the pre-existing relationship between participants. The ability to select a contextually appropriate greeting demonstrates sociolinguistic competence and can be indicative of a high level of cultural awareness.

The pragmatic aspects of etiquette behavior are contingent upon socio-status markers within the communicative situation. These markers encompass the type of communicative situation, categorized according to formality/informality registers, as well as the type of participants and the nature of the social distance between them. This study considers two distinct dimensions of social distance: status distance, representing vertical relationships, and social distance, reflecting horizontal relationships.

Speech etiquette constitutes an integral component of any linguistic and cultural system, and comprehending its cross-cultural variations is of paramount importance. Attaining advanced proficiency in a foreign language necessitates not only grammatical and lexical competence but also a thorough understanding of sociolinguistic norms governing polite discourse. Linguist Maxim Krongauz posits that aligning one's communicative behavior with the etiquette of the target culture, including the adoption of certain culturally specific customs, can facilitate the establishment of rapport and mitigate the risk of miscommunication. Significant deviations from established etiquette norms can impede effective communication, even in the presence of high linguistic accuracy. Cultural tolerance for such transgressions varies, highlighting the need for heightened awareness of local conventions. Therefore, speech etiquette can be conceptualized as a potent instrument capable of profoundly influencing the trajectory and outcome of intercultural interactions. While normative frameworks exist, successful communication can also be achieved outside the confines of rigid adherence to these frameworks [14; 15].

Thus, the main structural element of the phenomenon of speech etiquette is its concept, revealed in a meaningful definition, namely, speech etiquette (within the framework of any language and culture) should be understood as a system including its verbal means, represented by a functional-semantic set of linguistic units that determine the constructions and use of speech patterns, speech behavior in specific conditions and situations that set socio-status, national-ethnic, national-cultural, thematically related

requirements for targeted successful communication and speech behavior at the moment of real functioning of time [16; 17; 18].

Thus, speech etiquette plays a crucial role in shaping the rules and norms of communication within a society. It establishes a common ground for polite interaction by providing individuals with shared language patterns and conventions. However, it's important to remember that the specific knowledge, values, and behavioral patterns associated with speech etiquette are deeply rooted in a particular culture and can vary significantly across different societies. The meaning of these signs is largely based on cultural conventions and shared understanding. Through these verbal and nonverbal signs, individuals convey their attitudes towards others, assess social status, and signal their own position within the interaction.

ЛИТЕРАТУРА

1. Formanovskaya N.I. Speech communication: communicative-pragmatic approach. M.: Russian language, 2002. 216 p.
2. Formanovskaya N.I. Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects. M., 1987. 300 p.
3. Kostomarov V.G. Russian Speech Etiquette // Russian Language Abroad. 1967. No. 1. P. 56-62.
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 1983. 220 p.
5. Malinowski B.A. (2012). *Scientific Theory of Culture and Other Essays*, London; Oxford; New York: Oxford University Press. 400 p.
6. Mustafayeva M.Sh. Etiquette Forms of Status Addresses in English and Tabasaran Languages // World of Science, Culture, Education. 2019. No. 1 (74). P. 389-391.
7. Grice H.P. Logic and Conversation // P. Cole, J. Morgan (eds.) Syntax and Semantics.1975. 450 p.
8. Sokolova N.L. On the components of the meaning of units of speech etiquette // Philological sciences. 2003. No. 5. P. 95-105.
9. Drozdova E.A. Speech Etiquette: Concept, Comparison of the Boundaries of the Phenomenon in English and Russian // Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics 2020. Vol. 6. No. 3. Pp. 25-32.
10. Kalinina G.S. Speech Etiquette in Languages \u200b\u200bof Different Structures: Abstract of Cand. Sci. (Philology). Kazan, 2022. 24 p.
11. Larina T.V. Category of Politeness and Communication Style. Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions. Moscow: 2009. 512 p.
12. Gorodetsky B.Yu. On the Typology of Communicative Failures // Dialogue Interaction and Knowledge Representation. 1985. – Pp. 64-78.
13. Formanovskaya N.I. Address from the point of view of the communicative-pragmatic approach // Specialized Bulletin of KrasSU. 2000. Issue 11. P. 83-88.
14. Krongauz M. Why We Don't Say Hello [Electronic Resource] // Electronic Journal. Moscow: Harvard Business Review. 2013. Access Mode: http://hbr-russia. ru/biznes-i-obshchestvo/etika-i-reputatsiya/a12410/, free. Title from the screen]
15. Mordovina L.V. Speech Etiquette // Analytics of Cultural Studies. 2010. No. 18. P. 138-141.
16. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Noun Forming Suffixes Denoting Person and Non-Person in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th Centuries // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2024. – No. 3(100). – P. 112-119. – DOI 10.24412/3005-849X-2024-3-112-119.
17. Ashrapov B.P. Comparative analysis of word-building potential of some prefixes forming adverbs of manner in Tajik and their English equivalents // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2024. – No. 4. – P. 166-172. – EDN VPVAYM.

18. Ashrapov B.P. Word-building potential and morphological features of the Tajik suffix -ча and its English equivalents (on the example of animals' cub derivation) // Studia Humanitatis. – 2024. – No. 2. – EDN BVIBRL.

УДК 5.9.8

ЭВФЕМИЗМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: КУЛЬТУРНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Чжан Гуаньпэн
Педагог,
Компания «Gaotu»,
г. Пекин, Китайская Народная Республика
E-mail: 395391468@qq.com

Научный руководитель Ли Линлин,
старший руководитель Хэйхэского университета

В данной статье рассматривается характер использования эвфемизмов в русском и китайском языках с целью выявления культурных и прагматических особенностей их употребления. Автор исследует специфику культурных различий при обращении с эвфемизмами, способ их выбора в речи и особенности функционала; анализирует ключевые факторы, влияющие на подходы к употреблению таких лексических единиц, – социальный статус, табуированность отдельных тем в рамках коммуникации, стремление сохранить гармонию в общении. В работе также подчеркивается значимость междисциплинарного подхода при изучении рассматриваемой темы, располагающейся на стыке лингвистики и культурологии; предлагаются рекомендации в части межкультурного взаимодействия в русско-китайском языковом пространстве, в том числе с учетом методики преподавания этих языков. Исследование актуализирует категорию эвфемизмов не только как средства смягчения эмоционально-экспрессивной остроты плана содержания лексики, но и как инструмента адаптации к своеобразию культуры общения на иностранном языке.

Ключевые слова: эвфемизмы; русский язык; китайский язык; межкультурная коммуникация; культурные различия; прагматика.

EUPHEMISMS IN RUSSIAN AND CHINESE: CULTURAL AND PRAGMATIC FEATURES OF USE

Zhang Guanpeng
Teacher,
Gaotu Company, Beijing, China
E-mail: 395391468@qq.com

Scientific supervisor Lee Linlin
Senior Director of Heihe University

This article examines the use of euphemisms in Russian and Chinese languages to identify their cultural and pragmatic characteristics. The authors explore how cultural differences influence the choice and functions of euphemisms, analyzing key factors such as social hierarchy, attitudes toward taboo topics, and the value of harmony in communication. The paper highlights the importance of an interdisciplinary approach combining linguistics and cultural studies and offers recommendations for intercultural communication and foreign language teaching. The study emphasizes the role of euphemisms as a tool not only for linguistic mitigation but also for cultural adaptation.

Keywords: euphemisms; Russian language; Chinese language; intercultural communication; cultural differences; pragmatics.

*****

Межкультурное взаимодействие между Россией и Китаем на протяжении многих лет привлекало внимание исследователей – историков, культурологов, лингвистов, социологов и пр. Особый интерес в этой связи представляет социолингвистический и прагматический аспекты взаимовлияния русской и китайской цивилизаций. Наряду со множеством лингвистических феноменов, изучение эвфемизмов в русском и китайском языках предоставляет языковедам уникальную возможность для выявления различий и сходств в социокультурных установках двух рассматриваемых стран. Эвфемизмы как средство речевого общения обладают значительным потенциалом для анализа прагматической компетенции, так как они отражают нормы, ценности и менталитет носителей языка.

Эвфемизмы в языке играют крайне важную роль, заменяя табуированные или неуместные для конкретной ситуации общения выражения и слова на более приемлемые и/или вежливые. Лексические единицы могут варьироваться в зависимости от контекста, характера речевого контакта и общекультурного фона, что делает их изучение особенно актуальной исследовательской задачей в плане осмысления специфики межкультурной коммуникации.

Китайский и русский языки, обладая уникальными культурными традициями и нормами, используют эвфемизмы аналогичным образом – для смягчения тональности беседы, избегания конфронтации, обеспечения эффективного и уважительного взаимодействия между коммуникантами.

Данная статья представляет итоги исследования, касающегося сравнительного анализа прагматической компетенции при использовании эвфемизмов в русском и китайском языках. Причем акцент в научной работе сделан на способах выбора и употребления говорящими эвфемизмов в разных коммуникативных ситуациях, с учетом как различий, так и сходных черт в речевой культуре указанных языков. Такое исследование, по нашему мнению, имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, так как его результаты могут быть использованы для поиска путей оптимизации российско-китайского межкультурного взаимодействия, а также в практике преподавания иностранных языков.

Важной частью исследования является изучение различий в подходах к использованию эвфемизмов в рамках официальной и неофициальной коммуникации, в сферах политики, медицины, бытовых контактов и др.

Считаем, что сравнение особенностей русского и китайского культурно-исторического контекста позволяет глубже понять механизм формирования прагматической компетенции. И это обстоятельство дополнительно свидетельствует о вкладе данного исследования в теорию лингвистики и практику межкультурной коммуникации.

Теоретические основы исследования эвфемизмов

Определение феномена эвфемизации в лингвистике представлено разнообразными подходами, которые отражают сложность и многогранность этого явления. Так, Д.Н. Шмелев считает, что эвфемизм – это «языковая единица, которая служит заменой нежелательного, слишком резкого наименования денотата» [4, с. 402]. Этот подход, очевидно, акцентирует внимание на функции эвфемизма как способа смягчения и уклонения от излишней прямолинейности и конкретики в ходе коммуникативного акта.

Согласно Толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, эвфемизм – это «слово или выражение, заменяющее другое, нежелательное, грубое с точки зрения культурно-речевых норм» [2]. Здесь подчеркивается культурный и социолингвистический аспекты, что делает данную дефиницию особенно важной с точки зрения анализа различий в культуре речи.

В свою очередь О.С. Ахманова определяет эвфемизм как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [1, с. 521]. В рамках такого подхода подчеркивается стилистическая природа эвфемизма, включая его риторическую и эстетическую функции. Дополняя вышеуказанные воззрения языковедов, А.М. Кацев утверждает, что эвфемизмы неразрывно связаны с практикой табуирования. Он определяет их как «косвенные заменители страшного, одиозного, постыдного» [3, с. 5]. Эта трактовка важна для понимания культурно-исторических истоков происхождения эвфемизмов.

Для анализа межкультурных различий необходимо также рассмотреть взгляды китайских филологов на рассматриваемое явление. В отличие от российской лингвистической традиции, где эвфемизмы часто исследуются в контексте стилистики речи и соблюдения речевого этикета, в китайском языковедении акцент при изучении эвфемизмов сдвигается на риторический и коммуникативный аспекты. Так, например, Цзи Шаоду в книге «古代汉语修辞» (Риторика древнекитайского языка) утверждает, что «эвфемизм применяется в тех ситуациях, когда прямое выражение может вызвать сильные эмоции у собеседника или негативно повлиять на восприятие информации. В таких случаях используют непрямое, более мягкое выражение» [6, с. 346].

В ряде других работ – «中华大辞典» (Большой словарь Китая) и «辞海» (Море слов) – под эвфемизмом понимается «непрямое выражение мысли, использующее мягкие, косвенные слова для замены прямых форм». Эти определения лаконичны, однако, как отмечают исследователи, страдают некоторой абстрактностью. Хуан Ляо в учебнике «现代汉语» (Современный китайский язык) трактует эвфемизмы как «婉曲» (мягкое, непрямое выражение). Он указывает, что «эвфемизмы – это намеренно непрямое выражение, которое использует синонимичные слова для смягчения сообщения» [5, с. 262]. Подобный подход, на наш взгляд, излишне ограничивает исследование эвфемизма как лингвистического явления рамками риторики.

Рассмотренные версии трактовки природы эвфемизмов российскими и китайские исследователями, очевидно, сходятся в том, что эвфемизмы выполняют важную коммуникативную функцию – смягчения и гармонизации общения. Однако различия в подходах национальных филологических школ проявляется в акцентировании тех или иных свойств эвфемизмов. Так, российские лингвисты чаще связывают эвфемизмы с табуированными темами, такими как смерть и болезнь, уделяя внимание их стилистической окраске. Китайские же ученые акцентируют внимание на риторических приемах и социальном контексте общения, рассматривая эвфемизмы как средство поддержания гармонии в межличностных отношениях. Эти различия, по сути, отражают особенности культур двух народов, лишний раз подчеркивая важность междисциплинарного подхода к изучению эвфемизмов.

Анализ особенностей использования эвфемизмов в русском и китайском языках

Эвфемизмы в русском и китайском языках занимают важное место в коммуникативной практике, отражая культурные, социальные и лингвистические особенности каждого народа. Их использование варьируется в зависимости от темы, контекста и целей общения. Для наглядности сравнения рассмотрим несколько ключевых сфер, где эвфемизмы проявляют себя наиболее ярко: темы смерти, болезней, профессий, а также политического и делового общения.

2.1. Эвфемизмы, связанные с темой смерти. Тема смерти традиционно является одной из наиболее табуированных как в русском, так и в китайском языках. В обоих языках наблюдается стремление избегать прямого упоминания смерти, что связано с подсознательным страхом перед этим явлением.

В русском языке эвфемизмы, связанные со смертью, часто выражаются через метафоры и религиозные образы: «ушёл из жизни», «скончался», «отошёл в лучший мир», «уснул вечным сном». Например, в религиозной лексике используется выражение «отдал Богу душу», которое смягчает остроту негативного восприятия смерти и добавляет элемент сакральности. Подобные выражения помогают

избежать резкого эмоционального воздействия на реципиента коммуникативной информации и придают речевому процессу обсуждения неприятной темы ореол естественности.

В китайском языке также широко распространены эвфемизмы, связанные со смертью: 离世 (уйти из мира), 过世 (уйти из жизни), 去世 (уйти к предкам). Кроме того, китайская культура акцентирует внимание на уважительном отношении к умершим. Например, в официальных или торжественных ситуациях употребляется выражение 辞世 (покинуть этот мир с достоинством), что обеспечивает не только смягчение негативного смыслового оттенка, но и придание почтения событию.

Разница между русскими и китайскими эвфемизмами в данном случае состоит в плане содержания лексических единиц и их соотнесении с особенностями национального мировосприятия: русские выражения часто заключают в себе религиозный подтекст, в то время как китайские ориентированы на приоритет уважения к памяти о предках, об их личностях.

2.2. Эвфемизмы, связанные с состоянием недомогания. В обеих культурах тема недуга, болезни является крайне чувствительной; говорящие стремятся избегать выражений, которые могут показаться грубыми, бестактными или обидными для собеседников. В русском языке эвфемизмы часто используются для обозначения физических или психических заболеваний: «не совсем здоров», «слабое здоровье», «особенности психики». Например, вместо слова «псих» русскоговорящие предпочитают использовать выражение «не вполне нормальный», «с особенностями» или «не в себе». Это позволяет избежать стигматизации и создать более комфортный фон общения.

В китайском языке имеет место схожая тенденция, но с уклоном на использование нейтральных или позитивных формулировок. Например, вместо 盲人 (слепой) используется 视障人士 (человек с нарушением зрения), а вместо 聋子 (глухой) – 听障人士 (человек с нарушением слуха). Подобные выражения не только сглаживают остроту негативного содержания информационного посыла, но и подчеркивают уважение к индивидуальности того, о ком говорят. В отличие от русского языка, китайский делает бо́льший акцент на добавлении положительных коннотаций к обозначению болезни, что может быть связано с общей ориентацией китайской культуры на гармонию и духовно-физиологический баланс в человеке.

2.3. Эвфемизмы, связанные с профессиональной сферой. Профессии, которые считаются неквалифицированными и в связи с этим малопрестижными, часто обозначаются эвфемизмами как в русском, так и в китайском языках. В русском языке такие профессии, как дворник, уборщик или официант, часто получают условно престижные наименования: «коммунальный служащий», «мастер чистоты», «менеджер ресторана». Эти выражения подчеркивают уважение к человеку указанных специальностей и придают наименованию профессии оттенок экстравагантности.

В китайском языке наличествует схожая практика: профессии, связанные с ручным трудом, часто обозначаются более уважительно. Например, 清洁工 (уборщик) может быть назван 环境卫生员 (санитар окружающей среды), а водитель грузовика – 物流师傅 (мастер логистики). Это демонстрирует то, каким образом китайская языковая практика стремится не просто ослабить негативность коннотации, но даже возвысить социальный статус профессии.

2.4. Эвфемизмы в политическом и деловом дискурсе. Политический и бизнес-дискурс – это области, где эвфемизмы используются для манипулирования общественным мнением и профилактики конфликтогенности. В русском языке такие выражения, как «оптимизация штата» (вместо «увольнение»), «сложная экономическая ситуация» (вместо «кризис») или «гуманитарная катастрофа» (вместо «война»), помогают смягчить восприятие слушателями негативных событий. Например, в официальных заявлениях вместо словосочетания «снижение заработной платы» может использоваться выражение «пересмотр системы вознаграждений».

В китайском языке политические эвфемизмы имеют схожие цели, но выражаются через более абстрактные и косвенные формулировки. Например, 结构调整 (структурная оптимизация) используется вместо выражения «сокращение штата», а 升级 (модернизация) вместо словосочетания «повышение цен». Китайский политический дискурс делает бо́льший акцент на позитивной коннотации понятий, что связано с ориентацией китайской культуры на сохранение социального единства.

Таким образом, русский и китайский языки демонстрируют сходство в использовании эвфемизмов для сглаживания восприятия табуированных тем. Однако различия в выборе языковых средств и расстановке акцентов отражают ценностную специфику двух народов. В русском языке чаще встречаются метафорические и религиозные выражения, в то время как китайский язык акцентируется на смысловой гармонии, уважительности и позитивной оценке ситуации (действия, события). Эти различия подчеркивают важность учета культурного контекста при изучении и использовании эвфемизмов в межкультурных контактах.

3. Причины различий в использовании эвфемизмов в русском и китайском языках, обусловленные спецификой национальных культур

Эвфемизмы как лингвистическое явление тесно связаны с принятыми в рамках национальной культуры этическими и речевыми нормами, системой нравственных ценностей и, в целом, мировоззрением носителей языка. Различия в использовании эвфемизмов в русском и китайском языках обусловлены историческим развитием, социальной структурой обществ и менталитетом двух народов. Эти различия особенно ярко проявляются в подходе к обсуждению табуированных тем, при взаимодействии с учетом социальной иерархии, а также в процессе использования понятий, связанных с ценностными ориентирами, или преследующих цели обеспечения гармонии и предотвращения прямолинейности (жесткости) в речи.

3.1. Историко-культурные предпосылки. Русская культура исторически усвоила приоритеты православия, что отразилось на восприятии жизни, смерти и духовных ценностей в русском обществе. Эвфемизмы в русском языке часто имеют религиозную основу, например, выражения «ушёл в *лучший мир*» или «отдал *Богу душу*». Эти фразы, как указывалось ранее, несут сакральный смысл и нивелируют негативный смысл понятия «смерть», добавляя этому явлению элемент достижения духовного покоя, избавления от страданий. Подобный подход формировался под влиянием христианских традиций, в которых смерть воспринимается как переход в иной (небесный) мир.

В китайской культуре, напротив, эвфемизмы связаны с конфуцианскими и даосскими ценностями, которые акцентируют внимание на сохранении гармонии и предотвращении конфликтов. Например, в выражениях, связанных с болезнями, вместо жестоких или прямолинейных терминов более употребительными являются сдержанные в эмоциональном плане формулировки, такие как 视障人士 (человек с нарушением зрения) вместо 盲人 (слепой). Это отражает уважение к недомоганию собеседника, стремление к установлению баланса в коммуникативных ролях. Иными словами, конфуцианская этика, подчеркивающая важность почтительности и социального равновесия, оказала значительное влияние на формирование подобных речевых моделей в китайском языке.

3.2. Социальная иерархия и уважение. Социальная структура двух рассматриваемых культур также играет важную роль в формировании различий в использовании эвфемизмов. В китайской речевой практике социальная иерархия и уважение к старшим занимают центральное место, что напрямую влияет на выбор языковых средств при общении. Например, при обсуждении личных или профессиональных недостатков высокопоставленных лиц используется крайне уважительная лексика, часто эвфемистическая. Так, в случае критической оценки ситуации можно услышать выражение вроде 工作有待改进 (работа требует улучшения) вместо прямого указания на совершенные ошибки и просчеты. Это позволяет избежать «потери лица» собеседником, что имеет первостепенное значение в китайской культуре.

В русской культуре социальная иерархия имеет менее жесткую структуру, но эвфемизмы для смягчения критики в русской речи также используются довольно активно. Например, выражения «не совсем правильно», «не идеально» или «можно было бы лучше» заменяют непосредственные упреки или осуждение. Однако русский язык допускает гораздо больше прямолинейности в выражениях, особенно в неформальной обстановке. Это связано с особенностями русского менталитета, который во главу угла ставит искренность и открытость в межличностных отношениях.

3.3. Отношение к табуированным темам. Табуированные темы, такие как смерть, болезни или финансовые проблемы, реализуются в речи по-разному в русском и китайском языках. В русской культуре выражения, связанные с подобными информационными поводами, часто получают метафорическое и даже поэтическое оформление. Например, вместо слова «бедность» употребляются выражения «трудности с финансами» или «небольшой достаток». Это позволяет придать описанию проблемной ситуации умеренный характер, избегая излишней резкости. В китайской культуре подобные темы также маскируются эвфемизмами, но акцент смещается на уклонении от прямолинейности. Например, вместо 破产 (банкротство) используют выражение 资金周转困难 (трудности с оборотом капитала), что звучит менее грубо и предполагает возможность улучшения ситуации в перспективе.

3.4. Ценность гармонии и прямолинейность. Русская культура допускает больше эмоциональной экспрессии и прямоты в речи, что проявляется, в том числе, при использовании эвфемизмов. Китайская же культура ориентирована, как указывалось выше, на гармонию и сдержанность в оценках.

Русская речевая практика часто допускает иронию или шутливую форму выражения. Например, фраза «приукрасил правду» (вместо «солгал») отражает склонность русской речи к эмоциональности и игре слов. В китайском языке подобная ситуация скорее потребует нейтрального или положительного описания, например 表达方式不够准确 (выражение недостаточно точное).

Китайская культура, основанная на принципах конфуцианской морали, требует избегать конфронтации и поддерживать позитивную атмосферу при общении. Это проявляется и в выборе слов для обсуждения неприятных ситуаций. Например, увольнение сотрудника может быть обозначено как 人事调整 (корректировка кадров), что призвано смягчить негативное восприятие реципиентом реально произошедшего события. В русском языке, как выше мы упоминали, также используются выражения вроде «оптимизация штата» или «корректировка кадров», но они воспринимаются скорее как канцеляризмы, в то время как в китайском языке они глубже интегрированы в повседневное общение.

Приведенные выше рассуждения показывают, что различия в использовании эвфемизмов в русском и китайском языках отражают ключевые аспекты культурного наследия двух народов. Русская культура тяготеет к метафоричности и эмоциональности, в то время как китайская делает акцент на гармонии и уважении к собеседнику. Эти различия подчеркивают важность учета культурного контекста при изучении эвфемизмов и их употреблении в сфере межкультурной коммуникации.

Эвфемизмы, как лингвистическое и культурное явление, отражают глубинные аспекты мировоззрения и социальной организации носителей языка.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что различия в использовании эвфемизмов в русском и китайском языках обусловлены не только лингвистическими особенностями, но и фундаментальными культурными различиями. Эти различия касаются восприятия носителями того или иного языка структуры общественных отношений; системы морально-нравственных ценностей, принятых в качестве нормы; отношения к табуированным темам, которое определяется своеобразием национально-культурных традиций. Такой подход подчеркивает значимость эвфемизмов не только как средства языкового смягчения, но и как своеобразного зеркала, отражающего социальные, этические и исторические приоритеты образа жизни конкретного общества.

С точки зрения языковой культуры, эвфемизмы выступают одновременно и инструментом коммуникации, и маркером культурной идентичности индивида. Русский язык, с его тягой к метафоричности и эмоциональности, проявляет особенности национального менталитета носителей русского языка, в котором искренность и открытость ценятся даже при использовании экспрессивно смягченных (нейтральных) выражений и слов. Китайский язык, напротив, подчеркивает важность гармонии и сохранения лица говорящего в рамках коммуникации, что отражает ориентацию китайской культуры на конструктивное социальное взаимодействие и профилактику конфликтов. Описанные различия указывают на то, что языковая культура тесно связана с мировоззрением, формирующим общественное сознание нации.

Кроме того, эвфемизмы выступают эффективным социальным инструментом, поскольку служат для нивелирования коммуникативной напряженности, адаптации языка к культурным и контекстуальным требованиям ситуации общения, а также для управления восприятием информации. Этот аспект делает изучение эвфемизмов особенно важным в условиях продолжающейся глобализации и расширения межкультурного взаимодействия. Важно понимать, что успешное межкультурное общение невозможно без осознания культурных особенностей и прагматических функций эвфемизмов. Их использование способствует не только более сдержанному и уважительному межличностному общению, но и лучшему взаимопониманию между представителями разных культур.

Проведенное исследование подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода к изучению эвфемизмов, включающего лингвистику, культурологию и социологию. Оно также актуализирует вопросы о том, каким образом мультикультурализм в его современных формах влияет на эволюцию традиционного речевого этикета в контексте сохранения своеобразия национальной языковой культуры под давлением нарастающей межкультурной интеграции.

Считаем, что исследование эвфемизмов может в дальнейшем сыграть ключевую роль при разработке стратегий эффективного межкультурного взаимодействия, а также может быть востребовано в образовательных целях – как элемент обучающих программ, направленных на развитие межкультурной компетенции. Таким образом, эвфемизмы следует рассматривать как важный объект не только лингвистического, но и социального, а также культурного порядка, который содействует более глубокому пониманию взаимодействия языка и общества как на национальном, так и на межнациональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмонова, О.С. Словарь лингвистических терминов / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва: Сов. энцикл., 1966. – С. 521.
2. Ефромова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: свыше 136000 слов. ст. – [в 2 т.]. – Москва: Рус. язык, 2000.
3. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу / А. М. Кацев. – Ленинград: ЛГПИ, 1988. – С. 5.
4. Шмелёв, Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филина. – Москва, 1979. – С. 402.
5. 黄伯荣, 廖序东. 现代汉语（下册）. 高等教育出版社, 2019. – С. 262.
6. 季邵德. 古汉语修辞. 吉林: 吉林文史出版社, 1986. – С. 346.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблиц ы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Издание электронное, дата выхода номера в свет 05.12.2024г.
Тираж 500 экз. Заказ № 026-24/14.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >